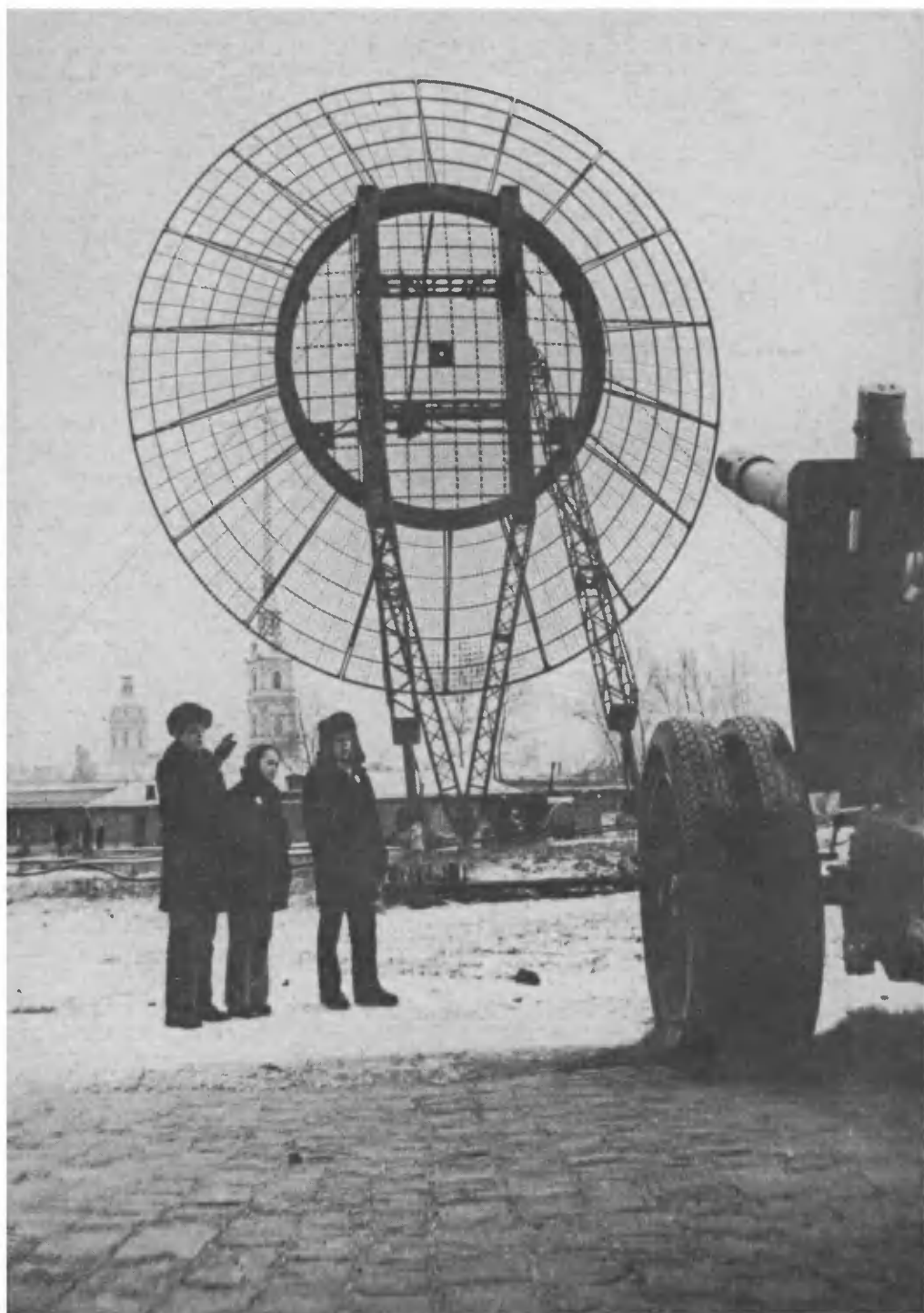

Искорка 2
1975

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
«Ленинские
искорки»,
отдел
Ленинградского
Обкома и
Горкома
В.И.К.С.М.,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

ФЕВРАЛЬ • 1975

год издания XIX

Макс ДАХИЕ

Звезда у дороги

У самой дороги на Выборг,
Где мимо снуют поезда,
Из снега, как огненный

вызов,

Привстала над полем звезда.

Война её здесь обронила
На глинистый свежий бугор,
Зарёю её окропило,
Чтоб вечно светила с тех пор.

Растают огни полустанка...
Но светит звезда мне в лицо,
Как сердце того лейтенанта,
Что поднял в атаку бойцов.

Рис. В. Адаева

В РЕДАКЦИЮ «ИСКОРКИ» приходит много писем с просьбой рассказать о ленинградском писателе Радии Петровиче Погодине.

Пользуясь тем, что сейчас мы публикуем новую повесть Р. Погодина «Живи, солдат!», помещаем небольшой рассказ о писателе.

Май 1945 года фронтовой разведчик Погодин встречал в Германии. Затем демобилизация, и он, как многие бывшие солдаты, вернулся к мирному труду. Писать он начал, когда уже много лет работал на заводе. Ведь он слесарь-механик шестого разряда. В 1957 году выходит его первая книга «Муравьиное масло». С тех пор вышло шестьдесят книг. Среди них хорошо вам знакомые «Рассказы о весёлых людях и хорошей погоде», «Кирпичные острова» и другие. В ТЮЗе вы могли видеть пьесы «Трень-брень» и «50 000 000 1-й». По сценариям Радия Петровича Погодина снято восемь фильмов. Наверное, их вы видели. Это «Дубравка», «Шаг с крыши» и «Включите северное сияние»...

Книги писателя известны не только в СССР. Их читают в шестидесяти странах мира.

Когда выходил сборник Организации Объединенных Наций «Дети мира», который состоял из рассказов всех известных писателей мира, причём от каждой страны по одному рассказу, в него был включён рассказ Р. Погодина «Кто нагрел море».

В этом году Радия Петровичу Погодину исполняется пятьдесят лет. Он считает, что это ещё юный возраст. Ведь у него столько планов и замыслов!

Радий ПОГОДИН

Рисунки Ю. Шабанова

ЖИВИ, СОЛДАТ!

В класс они вошли на руках. Фырканье, шёпот, смешки. (Очень сдержанно.)

Ладони прилипали к полу, густо намазанному ржаво-красной мастикой. Нянечки разводили мастику горячей водой в вёдрах и размазывали её по всем полам мешковиной, навёрнутой на швабру, — в школе не выветривался запах керосина и хлорной извести. Мастика шелушилась под шаркающими, топчущими, приплясывающими ногами (почему ребята, особенно малыши, так любят шаркать и волочить ноги, или у них сил не хватает на ходь-

бу, только на бегание, или им невдомёк ещё, что ноги нужно отрывать от пола?), мастика забивалась под одежду пылью, отчего бельё при стирке бывало покрыто как бы красной сыпью, что вызывало справедливый гнев усталых матерей, направленный, как всегда, по затылку.

Возле учительского стола они оттолкнулись руками от пола, сгруппировались и распрямились, коснувшись пола ногами в один звук — два леопарда! (Тишина? Очень странно...)

Завуч, высокий и тощий, Лассунский — фамилия та-

кая — глядел на них от задней стены и улыбался, всё шире и шире растягивая узкогубый рот. Завуч Лассунского за глаза называли Асмодеем (Асмодей — начальник нечистой силы), всё в нём было заострено: острые плечи, острые локти, колени, длинные

Земгано. Двойное сальто в ночные туфли. Через Ниагару с бочёнком пива. Классу разрешаю похлопать в ладоши.

Класс изменил им в одну секунду (сорок предателей!) — громко затрещали восемьдесят ладоней. (Очень весело дуракам.)

пальцы с чистыми треугольными ногтями, на голове седой кок, отчего и голова его казалась заострённой. В руках острая, изготовленная из заморского дерева указка, длинная и безукоризненно точная — Лассунский даже из-за спины попадал ею в нужную точку на карте.

— Браво! — сказал Лассунский с восторгом. — Братья

Завуч Лассунский поднял копьё (именно так ребята называли его указку).

— Зовут их вполне по-цирковому. Ну что это за имена — Гео и Аллегорий? Давайте придумаем им фамилию.

— Сальтомортальские! — выкрикнул прыщавенький Люся Златкин и, суетливо конфузясь и оглядываясь,

пробормотал: — А что, подходяще и без претензии...

Поднялась Вера Корзухина, бесстрастная, как Фемида.

— Нужно вызвать родителей... — Вера Корзухина растворилась в оранжевом вихре (что она, спятила?) На её месте бамбуком закачался Лассунский, обратил на них с высоты свой асмодейский сверкающий взор.

— Извините, — сказали они, — мы думали — класс пустой.

— Как это пустой, сегодня не воскресенье.

— Мы ребят не имели в виду. У директора разговор громкий, мы думали... то есть вы в нём участвуете... Разрешите сесть?

— Э-э, нет. Сей номер мы доведём до конца, — сказал завуч. — Слушай мою команду! Тем же способом и тем же путём в обратном направлении — делай. Алле-е... An!

Они сделали фляк в стойку на руках. Развернулись и пошли в коридор. Мاستика жирно прилипла к ладоням. Завуч шёл рядом, приговаривая печально:

— К директору, мальчики мои, к директору, к Андрею Николаевичу.

Завуч был желчным, был вспыльчивым, был ехидным, но ни злым, ни мстительным не был. В молодости он плавал в торговом флоте, но заболел, закончил университет — стал учителем географии. Говорят, указку-копё он изготовил из трости, купленной где-то в Гонконге. К озорникам он питал слабость. Директор тоже.

Они старательно шли на руках, даже печатали шаг... Но почему стена тёмная — нет окон вдоль коридора? Она отгораживает что-то, от чего холодно, тоскливо и страшно.

Пол керосином пахнет? Нет, почему-то он пахнет иначе. Наверное, от этой стены надвигающейся...

Возле директорского кабинета они упали. Лассунский сказал:

— Слабаки. Не могли коридор одолеть. Сейчас я ещё ваши знания проверю...

Раскрасневшийся от азарта класс пузырьком выпирал из дверей. Ребята торчали в три яруса, наверное, придвинули к двери учительский стол. От ребят, беспощадных в любопытстве, истёк жар. Слова завуч казались тёплыми и пушистыми, как котята, хотелось потереться о них щекой. То тепло удерживало зыбкую тёмную стену, но она надвигалась, студила плечи и спину и косо падала на него.

Он кричит:

— Держите, держите стену!

Потом появляется медногудящая муха. Он говорит капризно:

— Зачем эта муха? Что ей тут надо?

Слышит в ответ слова:

— Вылезает огарыш...

КРЕЗЕНТОВЫЙ потолок, прошитый толстыми прочными швами, не опускался, а уходил от Алькиной головы вверх. На нём вздрагивали и тихо кипели светлые квадраты — отсветы забранных целлулоидом оконце. Качались и вздрагивали за оконцами тяжёлые ветви деревьев. Пахло осенью и лекарствами. Медно гудела муха.

— Вылез огарыш. — Говоривший не старался скрыть удивления.

Алька повернул голову. На соседней кровати, подвернув под себя ноги, сидел человек в синих сатиновых трусах. Длинными, как у Лассунского, пальцами он разминал папиросу.

— Где я? — спросил Алька шёпотом.

— В раю. Призрачно и чудесно.

Витай себе на четвёртой скорости. Только с музыкой у нас нелады: главврач, негодай, гармонь отобрал... Ну ты, братец, горел! Мы уж думали — так и выгоришь без копоты.

— В госпитале, — слышался голос с другой стороны.

Алька туда повернул голову. И там койка. Человек лежит, книжку читает.

— Что ты на меня уставился, как коза на раkitник? В госпитале, говорю. В лазарете. В дурацкой палате. У нас болезни дурацкие, не фронтовые. А у тебя болезнь самая дурацкая, прямо ясельная — плеврит.

— Зовут тебя как? — спросил ещё один голос.

Чтобы разглядеть его обладателя, Альке пришлось приподняться. Пожилой человек в сиреновом халате, распахнутом на груди, сидел на тумбочке, возле входа в палатку. «Все при волосах — все офицеры».

— Алькой зовут.

— Ишь ты. И имя у тебя детское, как болезнь.

— Алька так, по привычке. По паспорту — Аллегорий.

Соседи захохотали: «О-хо-хо... Солдат Аллегорий! У-ха-ха... И-хи-хи...» Громче всех и злее хохотал сосед в трусах, глаза у соседа смурые, безжалостная насмешка в них.

— У меня писарь Апухтин. Мне бы второго писаря — Аллегория. Кружок изящной словесности. Мир искусства. «Как хороши, как свежи были розы...»

Другой сосед, тот, что читал книгу, покался, кашляя:

— На мне такой грех. Я комсомольцем шпану отлавливал. Гопники, понимаете, беспризорники...

Судьба ты моя, судьба,

Словно карта чёрная.

Нет ни крова, нет ни дома —

Жизнь беспризорная... —

громогласно, с подвывом пропел смуроглазый.

— Одного отловили такого, маленький, злой, как хорёк, и такой

же вонючий. Ни имени своего, ни фамилии не помнит. Спрашиваем: «Кто ты есть?» Кричит и слюной в лицо брызжет: «Пролетарий всей земли! Шарик-планета моя любимая родина». Документы ему выдавали для трудколони. Имя — Гео. Фамилия — Пролетарский. Отчество — Феликсович. Учили его философию, так сказать, — Гео Феликсович Пролетарский.

— У меня в школе товарищ был Гео. Гео Сухарев. Завуч Лассунский над ним пылил, называл его Геолоб, Геобил. А вообще-то любил... Завуч Гейку любил...

Рассказчик навёл на Альку глаза, чуть выпученные, с желтоватым налётом.

— Из колони нам позвонили — тот шкет оказался шкицей. Гео Феликсовой Пролетарской...

Алька воскликнул слабым голосом:

— Цирк!

Смуроглазый сосед подал ему стакан компоту.

— Рубай компот, Аллегорий. И — тихо, бабушка, под подушкой немцы.

Алька опустил голову на подушку, затылок прилип к ней, как к жидкому тесту.

— Тебе сколько лет?

— Шестнадцать.

Ветер хлопал клапаном целлюлоидного оконца. В запах осени, лекарств и постелей он приносил влагу. Наверное, неподалёку текла река. Алька напрягал память, стараясь вспомнить, что с ним произошло и как он сюда попал. А когда вспомнил, рывком, от которого закружилась голова, поднялся и выкрикнул:

— Не верьте мне. Я наврал. Мне уже восемнадцать!

— Надо же! — смуроглазый сосед руками взмахнул патетически. — В шестнадцать на вечерние сеансы в кино пускают, в восемнадцать — на фронт! Я в своё время тоже врал, чтобы на вечерний сеанс пройти. На фронте-то, чай, интереснее?

Алька молчал, глаза его закрывались, тело погружалось в озноб, как в струистую воду.

— Чего ж ты молчал? Нужно было сразу сказать, как только глаза открылись: мол, прибыл защищать Родину геройский солдат Аллегорий. Как фамилия-то? — Голос, конечно, принадлежал соседу в синих трусах. Но злости в нём не было, насмешки тоже — одна досада.

— Будет тебе, капитан, — сказал сосед с левой стороны. — Их сейчас на фронте, как блох. Не солдат — присягу не принимал, и не мальчишка — воюет.

— Как это присягу не принимал? Позволь, а «перед лицом своих товарищей торжественно клянусь!». То-то, как блох, — только душу зудят.

Альке хотелось тишины, хотелось войти в тёплую речку, лежать, на спине, не чувствуя собственного веса, и плыть по течению, чтобы над головой облака диковинно переменчивые, неслышно задевающие друг друга, сливающиеся, образующие всё новые и новые формы, и так без конца. Соседи переговаривались, стараясь потише, или он засыпал, звуки гасли — только неразличимое бормотание. Последнее, что он услышал отчётливо в тот день, были слова офицера в сиреновом больничном халате:

— Капитан, душа, ты бы на его месте как поступил?..

Во сне Алька видел свой класс и вертушки, шуршащие у окна. Вертушки он смастерил из бумаги, пришил их к подоконнику на булавках. Раскрасил чернилами. Они крутились и шелестели.

Завуч Лассунский сказал, сбивая вертушки указкой:

— Аллегорий, с твоим умственным развитием это занятие не вступает в противоречие, ни в коей мере. Но возраст! Борода ещё не растёт?

— Нет пока.

— Двухпудовку сколько раз выжимаешь?

— Один раз всего... Толкаю...

— Так и запишем — бездельник!..

УТРО началось с вопроса:

— Отец где? Воюет?

— Воюет... Может, отвоевался уже... Не знаю.

— Мать?

— Померла в пути...

Альке хотелось есть, очень хотелось. Ему хотелось есть всё время, начиная с сентября сорок первого года. Мать перед смертью пошутила: «Знаешь, Алька, желание есть вошло у меня в привычку».

На тумбочке он разглядел миску с кашей, стакан чаю и белый хлеб с маслом.

— Заправься, — сказали ему. — Твой завтрак.

В палатке было четыре кровати. Лежали тут два майора-танкиста и капитан — командир разведроты. У капитана и у майора, который в обращении употреблял мягкое слово «душа», было по язве желудка, майора лежачего, читающего собрание сочинений Гарина-Михайловского, распластала желтуха. Медсестра с плавной, как бы текучей походкой, высокая, грузноватая, красивая, отдыхала в их палатке от военных забот, их болезни наводили её на уютные домашние мысли, она затаённо улыбалась и говорила мечтательно: «У нас уже печи протапливать начали. Берёзовым дымом пахнет... Розы на зиму лапником закрывают...»

После её ухода насмешки по адресу своих дурацких болезней становились ещё язвительнее и раздражительнее.

— До войны я в доме отдыха отдыхал раз, там на второе блюдо давали бигос. Мясо тушёное таким рвотным словом назвать, а?! Наше теперешнее положение — вот это бигос. Я бы сказал — беспросветный бигос. Нормальные раненые смотрят на нас, как на чудо тьмутараканское. — Осень теплом не баловала, но капитан неизменно ходил в синих сатиновых трусах, играл напоказ мускулами и огры-

зался на всякое слово. Несколько раз на дню он жал стойку, касаясь носом пола и наливаясь при этом пунцовой натугой.

— Зачем вы столько затрачиваете силы? — сказал ему Алька. — Стойка, ведь это так просто. Это как взмах...

— А ты не вякай, — сказал ему капитан. — Тихо, бабушка.

Вставить Альке разрешили на пятый день. Капитан попросил его, подмигнув:

— Сползай, Алька, в операционную. Там мой дружок доктором служит, хирургом. Намекни ему от моего имени и записочку передай. Душа у меня сейчас в сжатии и на пределе. А если нет, пусть гармошку отдаст.

Алька надел свои брезентовые полуботинки, все на них уставились в полнейшем любопытстве.

— Эх-ма! — сказал капитан. — У меня были такие «джимми», белые. Я их зубным порошком красил. Брюки белые были и рубашка апаш. — Он вздохнул и добавил с угрюмостью: — «Как хороши, как свежи были розы...»

Алька надел сиреневый застиранный халат и пошёл. Выйдя из палатки, услышал за собой:

— Капитан, душа, нехорошая это затея...

Алька подумал: «Почему нехорошая? Ну, выпить хочет. Может быть, язва болит. И вообще — комендир разведроты».

В палатке не было душно, но вольный осенний воздух обрушился на Альку, как грозовой ливень. Он ухватился за деревцо. Небо, синее-синее, поворачивалось вокруг оси над Алькиной головой.

Эвакогоспиталь осел табором в старом школьном саду в палатках, раскинутых под деревьями. В самой школе помещались операционные и палаты для тяжелораненых.

В изрытый колеями школьный двор въезжали санитарные машины, взрывывали, пятась кузовом поближе к крыльцу. Шум возле школы напоминал шум автобазы.

Запалённые сёстры с бессонными диковатыми глазами, как пчелы-сторожа, осматривали, обнюхивали роящихся у дверей раненых, прежде чем пропустить их в свой медицинский улей. Раненые молчали. Наверное, есть такая воля — крепиться на пороге госпиталя или страх такой: госпиталь, решение дальнейшей судьбы — высший суд. И умолкала боль, заглушённая надеждой и страхом. Надежда! Завуч Лассунский всегда говорил, ставя двойку: «На что ты надеялся, Аллегории? И заруби себе на носу: надежда — сестра невежества».

Алька поднялся на выщерблённое крыльцо, — вылушили его ребячьи ноги, школьная беспечная суматоха, — придержал дверь — санитары несли парня с испуганными глазами. Парень улыбнулся ему робко: мол, видишь — лежу, а что дальше?

Односветный коридор с классами по правую руку был забит легко-ранеными, ждущими очереди. Они сидели на подоконниках и на полу, перевязанные в полевых эвакопунктах. И взвинченные, и умиротворённые, они негромко шутили, осторожно трогали повязки, удивляясь и радуясь удачному ранению, и примолкали, когда мимо них пронесли тяжёлого. Бледные, осунувшиеся врачи выходили из операционных, чтобы сделать несколько торопливых жадных за тяжёлых, и как бы ныряли обратно в запах эфира и йодоформа.

— Она мне как даст, а я и не понял, думал — камнем.

— Я понял, когда уже в ботинке захлопало...

— Нашего Стёпу ранило в попу. Стёпа краснеет:

— Я — что? Команда: «Ложись!» — я залёг. Голову схоронил. Пуля ж дура...

— Умная была пуля. Отдохнёшь две недельки. Правда, стоя придётся отдыхать. Тебе же ни сесть, ни лечь... Сестра, как у вас с этими, которым ни сесть, ни лечь?

Сёстры прислонялись к стенам, чтобы хоть так, хоть на минуту дать отдых гудящим ногам.

Алька пробирался между ранеными, стараясь не задеть кого-нибудь ненароком, не причинить боль.

— Мне капитана медицинской службы Токарева, — спрашивал Алька у медсестёр.

Сёстры пытались ввести ему противостолбнячную сыворотку. Стесняясь сказать, что он не раненый, он говорил им:

— Я уже здесь давно...

Школа была старинная, с рекреациями, специальными небольшими залами, поскольку спортивных залов раньше не строили — здесь дожидались очереди тяжелораненые. Сёстры улыбались здесь мягче, душевнее. Тишина была тяжелее, иногда раздавался всхлип или стон, тишина становилась от этого гуще. Альке казалось, что он идёт по хрустящему снегу. Снег всё морознее, и громче хруст под ногами.

И он увидел ЕГО...

На винтовом табурете, какие ставят к роялям, сидел солдат в тан-

кистском, наполовину сгоревшем комбинезоне. Волосы на голове спеклись в бурные комья. Кожи на лице не было, ни ресниц, ни бровей. Солдат держал на весу сожжённые руки. С носа и с пальцев стекала лимфа. Он не шевелился, — не мог, иначе нарушится равновесие между покоем и болью, иначе боль пересилит все человеческие возможности. Глаза ЕГО, воспалённые и пристальные, смотрели на Альку и требовали: «Отвернись, парень! Отвернись!..» Недвижный танкист царил над всеми звуками, над дыханием и стонами, он был как та непомерно высокая нота, выше которой жизнь обрывается.

Алька выбежал на крыльцо. Его снова, но ещё сильнее, качнуло от свежего воздуха и синевы неба. И санитарные машины, и раненые, идущие своим ходом, были жизнью живой, — с их движением, с их шумом сливались шум галок, обильно гнездившихся в школьном саду, шелест листьев и голос реки.

— Кто искал капитала Токарева?

— Я, — сказал Алька.

Капитан медицинской службы в белом халате и в белой шапочке затянулся «Казбеком», прочитал записку и фыркнул. На левом рукаве алело красное пятнышко...

— Передай Малюте: я знаю, когда кого выписывать. Прорыху нет, а он, видите ли, по гармошке скачает...

Алька спустился с крыльца. Капитан Токарев крикнул вдогонку:

— Освобожусь, забегу...

— ПЕРЕДАЛ записку? — спросил капитан.

— Передал. — Алька снял халат, сел на койку.

Соседи смотрели на него молча. Лежащий майор привстал даже.

— Ну и как? — спросил капитан.

— Освободится, придёт.

— Я спрашиваю: каков пейзаж? Каково впечатление?

Бывают в воде неспешные пузыри, они всплывают так незаметно,

будто стоят на месте, они захватили с собой частицы ила, и груз этот их отягчает. Так же, не вдруг открылся Альке смысл его похода. Сначала он оглядел всех глазами медленными и бессмысленными, как те пузыри, затем спросил неуверенно:

— Вы меня напугать хотели? — И сам ответил: — Так я же из Ленинграда. Я там блокаду пережил...

— И что, не страшно?

— Страшно... Так и вам страшно.

— Зря ты это придумал, капитан, душа...

— Злее будет...

АЛЬКА залез под одеяло, закрылся с головой. В память стужей вошли люди, здания и улицы блокады. Молчал тусклый водопроводный кран. Паутина, натолстившаяся от копоты, свисала с электрического шнура. Лампочка перегорела в тот самый день, когда отключили свет. Он ввернул другую, чтобы она вспыхнула сразу же и возвестила, но она и сейчас не вспыхивала, заслоняя память темнотой с какой-то особой охранительной целью. В голове засветилась другая лампочка, она давала зеленоватый рассеянный свет и раскачивалась на ветру. Подушка согрелась под Алькиной головой, и её тепло трансформировалось в счастливый холод, от которого так ярко пылают щёки.

Лампочка светила над большим, тёмным, как омут, катком. Снежные сугробы вокруг едва угадывались. Дул сильный ветер. Алька с девочкой Ритой, взявшись за руки, ехали не отталкиваясь. Они были маленькие — второклассники. Ветер подгонял их, они ехали всё быстрее, быстрее... И хотя всё было известно наперёд — сугроб! смех! — всё равно дух захватывало, как от неведомого. Они были одни в просторной ночи, родители

ушли в клуб смотреть постановку — весь посёлок ушёл. Они выбрались из квартиры без разрешения. Им попадёт. Но это будет потом. А сейчас они летят разгорячёнными лицами в холод, отряхиваются, и на четвереньках ползут в другой край катка, и распрямляются, и распахивают пальто, чтобы ветер снова разогнал их и швырнул в пушистый снег. Коньки у них были «снегурочки», привязанные к валенкам.

В охрипших патефонах шурали цыганские песни. Рынок продавал, покупал, плутовал. Рынок смеялся и плакал.

Алька искал обмундирование. Предлагали, но на запрос набиралась у него едва половина.

Уже на выходе он столкнулся с одноногим солдатом в синем с полосками пиджаке.

— Форму? Ишь ты. Она сейчас в цене. — Солдат угрюмо запросил цену, но, узнав, зачем Альке форма, вздохнул и повёл его за облезлый фанерный ларёк, на котором было написано: «Починка часов и оптики».

— Подожди здесь.

Он пришёл скоро, вытащил из-под пиджака свёрток.

Белёсые галифе оказались широкими, пришлось затяги-

вать в пояс верёвкой. Безногий неодобрительно скрёб щёку.

— Хлипкий ты, однако. Может, чахоточный?..

Разбитые коричневые баретки с брезентовым верхом конфузливо краснели, придушенные тугими обмотками. Гимнастёрка вздувалась на спине горбом.

— Туго ремень не затягивай: подумают — девка перодетая. — Одноногий подвернул ему рукава, чтобы не свисали на пальцы, заломил пилотку и мягко посадил её на голову, но она тут же расползлась, закрыла лоб, брови, она бы и на глаза налезла, да зацепилась за мягкие оттопыренные уши.

— Давай, — сказал одноногий. — Двигай. Может быть, тебе повезёт. Лучше уж или. Сам понимаешь. Короче — живи, солдат...

Алька покрасил свои брезентовые баретки ваксой, купил в военторге погоны, звёздочку, алюминиевую ложку и застенчиво проник на воинскую платформу к громадным солдатским пищеблокам. Подгадать приход эшелона не составляло забот.

Старшина маршевой роты, запалённый, с сорванным голосом, затолкал его в столовую и прохрипел, что с такими солдатами до фронта он намертво онемееет.

Примостившись на краешке скамьи, ни на кого не глядя, обжигаясь, Алка хлебал щи, глотал жидкую пшённую кашу, подкрашенную волокнами консервированного мяса. От торопливого рвения судорога сжимала горло. Алка кашлял и языком подбирал слёзы с верхней губы.

— По вагонам!

— По вагона-ам! — Команда, как эхо, повторялась старшинами.

Солдатская толпа вынесла Алку на платформу. С гоголом, бранью и смехом она втянулась в пульманы. Алка подумал, холодея от живота: «Сейчас останусь один у всех на виду». И остался.

Кто-то тихо сказал у него за спиной:

— Давай, парень. Двигай.

Алька обернулся. Солдат с белым рыхлым лицом, усталый и потный, курил папиросу. Ворот расстёгнут, рукава засучены, медленными белыми пальцами он теребил передник.

— Давай, парень, давай. У нашего коменданта глаз на щенят. Он вашего брата и в темноте различает. Твоя удача — он сейчас в городе.

Паровоз загудел сипло, с грохотом сгравил пар. Из вагонов кричали: «Тютя! Что, номер квартиры забыл?» Когда звон сцепок покатил вдоль платформы, Алка решил — прыгнул на тормозную площадку.

Солдат в переднике помахал ему белой рукой.

Эшелон уходил, оттесняя с главного пути пассажирские составы, товарные маршруты и рабочие вертушки, набирал скорость под зелёными глазами светофоров. Ветер забирался под гимнастёрку, под рваную нестираную рубашу, остужал голову, облеплял тело холодными влажными лоскутьями.

На засыпанном гарью каменистом пустом разъезде эшелон стал. Несколько девушек забралось к нему на площадку. Он подивился их молодости, упругой и громкой. Они хохотали вполголоса, но всё равно звонко и уверенно. Называли его офицериком. Они были в ватниках, пахнущих дымом, в лыжных байковых брюках, головы туго повязаны толстыми шальями. Вслед

за девушками на площадку набились солдаты. Те не сдерживались, ржали на всю возможную для них громкость.

Оглушил перегнавший эшелон с танками. И не успел он отгрохотать — паровоз дёрнул, снова набирая скорость под зелёным огнём светофора. Альку оттеснили на подножку. Ветер, казалось, проникал под кожу, внутри у него всё стыло, немело. Рядом с ним — «подвинься чуток» — приютилась девчонка, скуластая и черноглазая, с жёсткой чёлкой, выбивающейся из-под платка. Она села с наветренной стороны, откинула полу ватника, прикрыла ему спину... От неё шло тепло, как от матери.

— Брат мой тоже удрал, — сказала она. — Мамка глаза выплакала. Я бы тоже удрала... Мамке будет не прокормиться. У нас ещё трое, мал мала меньше. Мы на лесоповале были... К нам один ленинградский завод перебазировался... — Она рассказывала, а он согревался подле неё.

В сумерки, на освещённой редкими электрическими огнями станции, к тормозной площадке подошёл офицер, затянутый в портупею. Солдаты приснули по вагонам. Девушки тоже сошли. Они и мимо офицера пробежали с усмешками.

— А вы? Из какой роты?

— Я отстал от своего эшелона, — пробормотал он, краснея.

— Номер эшелона? Номер полка? — жёстко спросил офицер.

Он стыл:

— Сто шестьдесят шестой полк. Формировался в Тюмень.

— Документы!

— В вагоне остались. В шинели.

— Идите вперёд.

Он пошёл. Занемевшие остуженные ноги плохо слушались. Его покачивало, ломило затылок.

В душном штабном вагоне спрашивали то же самое. Офицер в портупее — он оказался майором — пообещал на ближайшей большой станции сдать его коменданту. Потом приказал тому же хрипатому старшине поместить «отставшего» к себе в роту и взять пока на довольствие.

В вагоне ему выделили место на верхних нарах возле стены. Он лежал там, непохожий на других солдат. Раненые фронтовики, возвращавшиеся после излечения в строй, говорили мало, а если и говорили, то о вещах отвлечённых, или о госпитале, о врачах и медсёстрах. Парни-призывники из учебных подразделений беззастенчиво вращались о красотах, которые будут ждать их, «хоть слепой ворохуись», и вдохновенно верили в это своё вранье. Алька ловил себя на мысли, что разговоры фронтовиков ему были понятнее. Сам он молчал. Он попробовал было придумать себе «взрослую» биографию, но в голову шло только детское. Блокаду он не вспоминал, память обходила её, всё дальнейшее обходила и смерть матери. Он вспоминал купание. Тёплую воду, из которой не хочется вылезать. Полузатопленные баржи на речке Смоленке, с которых страшно нырять, не потому что высокие, — под водой торчат сваи, в которые можно удариться головой. Страшно, но все ныряли.

Майор позабыл об «отставшем», а может, решил, если едет солдат на фронт в одной гимнастёрке, нечего его по комендатурам гонять.

Под Харьковом он почувст-

вовал, что лёгкие перестают работать, что ослабела шея. В голову медленной вереницей вступали люди, здания блокады и её запах. Он попытался подняться. Солдат, что лежал рядом, возвращающийся из госпиталя фронтовой шофёр с орденом и медалью, провёл по его лбу шершавой ладонью.

— Перемогайся. Завтра на место станем, там тебя в госпиталь определят. Во фрон-

товой. А тут ссадят и в тыл. Ты ж не за этим столько всего натерпелся? Ишь, жару нагнал...

Алька не помнил, как эшелон стал на место, как распределяли пополнение, этого он просто не видел. Он помнил только, как стоял перед грозного вида полковником и тот, глядя на его брезентовые баретки, многопудово громахал страйными, как трибунал, словами.

ВЕЧЕРОМ к капитану Малютину пришёл солдат-ординарец. Сдержанно поздоровавшись со всеми, вынул из мешка «доппаёк» — гостинцы от старшины и ротного повара.

«Доппаёк» поедали сообща. Ординарец щурил маленькие талые глаза и бормотал недовольно:

— Вам, товарищ капитан, привет от всего состава разведчиков. Просят вас есть побольше, чтобы быстрее на ноги встать. Вот питание прислали. Переживают...

— Ну-ну, не гуди, — сказал ему лежащий майор.

— Дык я не гужу. Я за свою роту болею. Курите вы, товарищ майор, больно много. Я вам махры принёс. Знаменитая махра — тю-тю. Старичок один сочувственный поделился.

— Откуда такая о нас забота?

— Душа, майор, это, чтобы мы капитанские папиросы не трогали.

Солдат-ординарец насупился, помолчал, пошарил глазами по углам и сказал наконец бранчливо:

— У кого болезнь нутряная, тем, говорят, махра полезнее. В ней, говорят, никотину меньше. А комроты нашему, товарищу капитану Малютину, и вовсе курить нельзя с язвой.

— Ишь ты, радетель, — засмеялся капитан. И все засмеялись.

Когда ординарец собрался уходить, свернул пустой мешок и пожелал капитану быстрейшего выздоровления, капитан вырвал листок из блокнота и подал ему.

— Отдай писарю, пусть документы оформит. Вот ему. — Он кивнул на Альку.

Ординарец прочитал, возмущённо засопел, кажется, даже хотел записку скомкать и бросить.

— Такого Швейку в нашу геройскую разведроту? — Он даже всхлипнул. — Ни один комвзвод его не возьмёт. На что он? Через него же насквозь глядеть можно.

— К сержанту Елёскину, — приказал капитан, легкомысленно поддразнивая своего ординарца. — Степан — парень кроткий. На учи-

теля чуть не выучился. Практика ему будет педагогическая.

— Сержант Елёскин — геройский сержант. Когда ж ему нянчиться? — Ординарец ушёл, возмущённый насквозь.

Явился он на следующий день, поздоровался, не глядя на Альку, и так же не глядя, выражая и позой, и небрежными движениями снисходительность к капризам своего командира, подал Альке солдатскую книжку.

— В первый взвод. К сержанту Елёскину. — И вдруг засмеялся с коварной радостью: — Только не догнать тебе, Швейка, того первого взвода. Через два дня выступаем... Придётся тебе при госпитале послужить в поварах...

— Как выступаем? — Капитан вскочил. Майоры тоже поднялись.

— По приказу. Нам писаря из штабной роты шепнули...

Капитан с проклятиями выскочил из палатки. Вскоре он явился с доктором Токаревым и расстроенной медицинской сестрой.

— Выписывай! — кричал он. — Хватит!

— Не шуми. Я бы тебя так и так завтра выгнал. Надоел ты мне... — ворчал доктор Токарев. — А это что тут за самовольство?

Оба майора были уже одеты и при оружии.

КОГДА Алька пришёл в роту, писарь Апухтин, бравый и сытый, захохотал, широко открыв рот с крупными зубами. Он тыкал в Альку зачерниленным пальцем и сипел:

— «Маскарад» Лермонтова! Старшина, пощупайте. Стихи: «Прислали нам Жульетту, в Швейку переодету...»

Алька уже привык к тому, что вместо Швейки солдаты говорят Швейка. Теперь ещё и Жульетта...

Алька смотрел в пол землянки, насланный из отёсанных жердин, наступал ногой на ногу, чтобы хоть так прикрыть свои брезентовые баретки.

— Снимите вашу аммуницию, —

спокойно сказал старшина. — Интересно, сколько же вы отдали за неё на рынке? — Старшина был невысоким, узкобёдрым, с внимательными глазами и какими-то изысканными движениями.

От старшины Алька вышел преобразённым. Гимнастёрка, брюки, шинель — всё было впору. И пилотка как гребень. Старшина надел её Альке лихо набок, она так и застыла, как накрахмаленная.

— Разведчика узнают по пилотке, — сказал старшина с деликатной улыбкой.

Алька шёл, в меру выпятив грудь и слегка подав плечи вперёд, тощий, но осанистый. Мускулы, ещё не набравшие сил, побаливали, позвоночник, привыкший за последнее время к сутулости, поламывало, дыхание от этого затруднялось.

— Старшина, посмотрите, Швейка-то как вышагивает! Ишь резвый! — Эти слова произнёс писарь Апухтин, высунувшийся в дверь. Алька на них не обиделся, — в писаревой интонации слышалось доброжелательство, даже гордость.

Так они менялись в спортивном зале. Из сопливых шкетов, пацанов и козявок превращались в людей, с которыми полагалось говорить вежливо и убедительно. Они приходили в спортивную школу кто в чём, но одинаково выросшие из своей разномастной одежды. Гимнастическая форма — белые майки, синие брюки с красным пояском и чёрные мягкие туфли вдруг делали их движения строгими и свободными.

Во дворе ребята просили «покувыркаться» на крюке, запирающем ворота под аркой. Он отговаривался и краснел, — крюк был погнут, ржав, ладони по нему не поворачивались, сразу же становились бурыми. Но дело было не столько в ржавчине и не в том, что крюк висел очень

низко и не давал возможности для маховых движений, — в подворотне пахло кошками, помойкой, на облупившихся стенах выросли плесень и паутина.

— Нет, — говорил он. — Я не могу здесь.

— А ещё физкультурник! — возмущались ребята и протодушно его презирали. — Кто хороший физкультурник, тот везде может.

Оправдал Альку знаменитый в ту пору гимнаст — мастер Серый.

Шляясь в шумном безделии по Смоленскому кладбищу, они набрали на «турник» — прибитую к двум берёзам трубу. Все, кроме Альки, тут же принялись подтягиваться, стремясь зацепить за трубу подбородком, для чего изо всех сил вытягивали тонкие бездыханные шеи.

Неподалёку остановился мужчина в светлом, туго подпоясанном плаще, долго смотрел на них, потом вдруг сказал:

— Всё это, братцы, чечётка.

— Почему? — спросили мальчишки. Мужчина поразил их шириною плеч и неторопливой отточенностью движений. Алька сразу узнал мастера Серого и покраснел густо, хотя сам и не кувыркался на трубе. Мастер осмотрел их всех, остановил взгляд на Альке.

— Я тебя где-то видел. Ты ведь можешь? — Он кивнул на трубу.

— Могу, — сказал Алька.

— Чего ж ты не скачешь на неё?

— Не могу, — сказал Алька и отвернулся.

— Он физкультурник липовый! — закричали приятели.

Мастер Серый перевёл глаза с мальчишек на Альку.

— Нет, — сказал он, — не липовый. Вслушайтесь в это слово, вникните — физ-культура... Уловили? В спорте вообще, а в гимнастике особенно, должно существовать некое единство, как бы вам объяснить популярнее: единство музыки, настроения спортсмена, формы спортивного помещения, спортивных снарядов и, конечно, одежды. Общая гармония — внутреннее и внешнее равновесие. Я бы сказал — духовность.

— Вы сказали — чечётка.

— Сказал. Чечётка — не танец, а как бы вроде. — Мастер Серый смахнул волосы на лоб, скривил рот и вдруг «отшлёпал» чечёточный выход с двойной оттяжкой. Это движение принизило его, развенчало, как если бы знаменитый певец вместо прекрасной песни разразился со сцены бранью.

— Вам не идёт, — сказал Лёнька Бардаров. — Вам стыдно.

— По-моему, вам стыдно. Ваши упреждения — чечётка

и есть. — Мастер Серый поправил волосы и пошёл, сразу же став недостижимым даже для их буйного воображения.

— Классный дядька, — сказали они.

А Лёнька Бардаров, носивший громкую кличку Бардадыр, умевший плевать сквозь редкие зубы дальше всех во дворе, спросил:

— Алька, когда записывать будут?

— ШВЕЙКА, чего это ты таким павачом ходишь?

Алька обернулся. На него нахально глядел и ухмылялся ординарец командира роты — пилотка лепёшкой, шея отсутствует.

— Не Швейка — Швейк, — сказал Алька.

— Усвою. — Ординарец оглядел его со всех сторон. — Павач, между прочим, павлин. Интересное слово... Я тебя жду. Комроты велел отвести тебя к сержанту Елёскину. Смотри ты, автомат тебе выдали натурально и запасную дискус...

— Диск, — поправил Алька.

— Усвою. Стрелять-то умеешь?

Алька покраснел.

— Идём к сержанту Елёскину — он к педагогике слабость имеет.

Сержанту Елёскину было за двадцать. Звали его Степаном. Характер он имел лёгкий, телосложение бурлацкое, с тяжёлой сутулостью, которая возникает не от возраста, не от согбенности перед жизнью, но от тяжести размашистых плеч. Оказалось, сержант Елёскин не командует никаким подразделением, даже самым маленьким.

— У нас во взводе двадцать сержантов, — сказал он. — И младших, и средних, и старших. Даже трое старшин. Разведчики...

Весь день сержант Елёскин обучал своего «приданного», как называли Альку, владению оружием. У него целый арсенал был. Кроме автомата, гранат, запасных дисков, ножа и трофейного пистолета сержант владел ручным пулемётом.

— Нынче у нас особое будет за-

дание. Я пулемётник на всякий случай выпросил. Хорошая машина «дегтарь».

Алька быстро освоил автомат и снаряжение автоматных дисков. Но вставить снаряжённый диск в автомат сержант ему не позволил.

— У тебя ещё руки торопятся, — сказал он.

Степан лежал на спине, смотрел в небо.

— Ишь, — говорил он. — Небо — как разбавленный спирт. Бывает небо как чернила, бывает как болотная вода. У меня на родине небо такое уж разноцветное, у нас воды много — озёр и болот. Не валий затвор в песке. Песок оружию — враг. Здесь, Алька, вода не та. Здесь разделение. Вот вам вода — вот вам суша. А у нас разделения нет, везде сверкает, переливается, испаряется...

Альке этот монолог был понятен и близок. С детства он привык к городу, отражённому в воде; в реках, каналах и речках, к городу, который встаёт над водой куполами и шпилями и лишь затем вытягивается в узкую зубчатую полосу, — это, когда плывёшь на пароходе из Петергофа в Ленинград.

По особой психологической причине образ строгого города, отражённого в светлых водах, всегда заслоняли в Алькиных воспоминаниях сырые, захламлинные дворы, запах непротопленной штукатурки, плесени и гниющих дров. Вероятнее всего, потому что вырастали ленинградские ребята в основном не в парках, не на широких площадях и проспектах, не на гранитных набережных, но во дворах, зажатых облупленными многоэтажными стенами.

В их доме было два двора. Один — довольно просторный, даже с деревом, другой — задний, образованный глухими неоштукатуренными стенами

соседних домов. Там стояли помойки и водомер, у стен были сложены доски, кирпичи, бочки с известью и гора булыжника. На заднем дворе была арка с закрытыми на тяжёлый погнутый крюк железными воротами. Под аркой Шура Цыган плясал чечётку. Руки у Шуры, всегда спрятанные в карманы брюк, были тяжёлыми, с кожей какого-то мраморного оттенка. Чечётку он плясал виртуозно, даже не вынимая рук из карманов. Подражая ему, мальчишки шлифовали булыжник подошвами, ходили расхлябанные, кривили рот в брезгливой усмешке, шепелявили, шурились и безжалостно отпускали щелчки покорным малышам. Щелчок самого Шуры, по некоторым свидетельствам, валил с ног.

В начале сентября Алька привёл Лёньку Бардарова с компанией во Дворец культуры имени Кирова. Они стояли перед заведующим детской спортивной школой в обвисающих майках, в трусах, спускающихся ниже колен,— считалось, чем длиннее трусы, тем они футбольнее. Руки в цыпках, колени в болячках.

— Хорошее пополнение,— сказал заведующий.— Расслабьтесь, а то я ваших глаз не вижу, сплошные брови... В какую же секцию вы устроились?

— Бокса,— сказал за всех Лёнька Бардаров.

После врачебного осмотра они объяснили Альке свою историю:

— Будем Шуру Цыгана любить.

(Продолжение следует)

Игорь Поялков

Аккуратный человек

Аккуратный человек
Пишет черновик.
Аккуратный человек
Высунул язык.
Аккуратно морщит лоб;
И глазееет ввысь,—
Человеку нужно, чтоб
Мысли родились.
И идут они на ум,
Да не стоят свеч.
И не могут, потому,
На бумагу лечь...

И глядит, как пишет класс,
Грустно наш герой.
И проходит целый час,
А за ним второй.
По домам ребят позвал,
Прозвенев, звонок.
И контрольные собрал
Старый педагог.
Аккуратный человек
К выходу побрёл.
Аккуратный человек
Заработал кол.

СЫНЫ ПОЛКОВ

В А Н Я

Перед нами справка, выданная архивом Министерства обороны:

«...в книге учёта рядового и сержантского состава 219 СП значится: „Ефрейтор Львов Иван Андреевич, 1931 года рождения“. В графе „Когда и каким РВК призван?“ записано: „1941 год, воспитанник“. В графе „Ранения, награды?“ — „Ранен в июле 1944 года“».

Родился в 1931 году, в 1941 — уже в армии. Выходит, солдату было... десять лет. Всего десять! Не ошибка ли?

— Нет, не ошибка, всё в справке сказано точно, — улыбается Иван Андреевич Львов, столяр НИИ «Гириконд» объединения «Позитрон», — действительно, мне было тогда десять лет.

...Фронт в деревне Старино, что в Калининской области, продвигался быстро. В одно ненастное осеннее утро 1941 года из дома в дом пронесли зловещие слова: «Фашисты подошли к деревне». А днём колхозники уже видели людей в костюмах мышиного цвета, с автоматами наперевес. Всё замерло. Взрослые поки-

нули деревню. Остались дети и старики. Гитлеровцы забежали в дома, требовали молока, яиц, мяса. Требовали... Не то слово! Грабили! Вот это подходит! Всё, что видели, забирали, рыскали по амбарам и хлевам. А если кто-либо пытался возразить, поднимали автомат. Время от времени слышались выстрелы.

Страшно было десятилетнему Ванюшке, оставшемуся дома с младшим братом. Отец — Андрей Андреевич — был на фронте, мать — на оборонных работах. Однажды зашёл к ним фашист и, тыча автоматом в грудь мальчику, стал что-то отрывисто выкрикивать. Ваня не понимал, что от него хотят. Но уже слышал от старших, что фрицы забирают всё, что попадёт под руку. Он открыл кухонный стол и отдал непрошеному гостю кусок сала. Тот одобрительно закивал головой.

Рано ложились спать парнишки, забиваясь в какой-нибудь угол. Тревожно прислушивались. Стук в окно. Наверное, показалось. Нет, стук повторился. Ваня прильнул к стеклу, но там никого не было видно.

— Кто там? — робко спросил Ваня.

— Открой, Ваня, свой, — раздалось в ответ.

В дом вошёл хорошо знакомый Ване председатель сельсовета. Огляделся, спросил:

— Посторонних нет?

Ваня отрицательно покачал головой.

— Я к тебе по делу, Иван, — серьёзней председатель.

Никогда ещё до сих пор этот строгий на вид человек не называл так Ваню. Встретит, бывало, на деревенской улице, обязательно заговорит, потреплет по голове и скажет: «Такто, брат, дела».

А тут сказал: «Иван...» Парнишка понял, что обращаются к нему как к взрослому.

— Так-то, брат, дела,— услышал Ваня знакомые слова и очень этому обрадовался. Председатель между тем продолжал: — Лихие дни настали, Иван, лихие. Но врага мы одолеем, вспомни мое слово. Да, я ведь к тебе по делу.— И еще раз оглянувшись, нет ли кого поблизости, рассказал, что на опушке леса сосредоточивается воинская часть, выходящая из окружения. Ей нужен проводник из местного населения.

— Перебирал в памяти всех оставшихся в деревне мужиков и более подходящего, чем ты, не нашёл. Ты же хорошо знаешь наши места, помоги бойцам.

— Я? — вырвалось у Вани восклицание, означавшее не то испуг, не то радость.

Ваня действительно знал вокруг всё вёрст на двадцать. Не раз бегал с одноклассниками по грибы, за ягодами, с учительницей ходили в походы. Да и отец частенько брал с собой, когда отправлялся в лес или в соседнюю деревню.

— Да, ты, Иван Львов, назначешься сельсоветом в проводники выходящей из окружения воинской части Красной Армии.

Командир встретил проводника недоверчиво. Но выхода не было. Вместе с несколькими разведчиками Ваня пошёл вперёд, показывая дорогу. Был он уверен, что идёт правильно — кратчайшим путём к шоссе. Но где-то на полпути начал сомневаться: «А вдруг заблужусь?» Кругом пепроглядная темень. За час другой мальчишка повзрослел. Ведь от того, как он справится с заданием, зависит судьба всех этих людей, поверивших ему, людей усталых, измученных, но не унывающих. В колонне были и раненые. Товарищи поддерживали их, помогали преодолевать нелёгкий путь.

Шли молча. Оружие привязали, чтобы не бряцало. На рассвете показалась деревня. Командир посмотрел на карту и облегчённо вздохнул:

— Спасибо тебе, мальчик, прямо к нашим вывел! Считай, что мы не забудем тебя и твой подвиг. Да, да, подвиг, не удивляйся,— сказал ко-

мандир.— Когда кончится война, такими, как ты, Родина будет гордиться.

Бойцы проходили мимо усталого и растерявшегося Вани, каждый старался погладить его по голове.

— Обрато дорогу найдешь? — спросил пожилой солдат.— Не заблудишься?

И только сейчас Ваня понял, что он должен расстаться с этими людьми, ставшими за одну ночь самыми родными на свете. Что он без них будет делать? Куда он денется? Там ведь фашисты. Родителей дома нет. О братишке обещала позаботиться старушка соседка.

— Возьмите меня с собой! — со слезами на глазах попросил Ваня.— Я всё буду делать...

И сказал это так, что у командира защемило сердце. Но что значит взять в часть мальчишку! Да еще в момент, когда неизвестно, куда будут направлены, какие предстоят бои.

— Возьмите,— повторил Ваня.

Бойцы выжидающе смотрели на командира.

— Давай!

Так десятилетний Ваня Львов стал воспитанником полка. Его поставили на все виды довольствия.

Старшина ворчал:

— Где я возьму тебе обмундирование? Таких шинелей, как на тебя надо, и в природе нет.

Но тут же приказал ротному сапожнику спать Ване сапоги. Шинель и гимнастёрку скроил другой солдат, кое-как умевший портняжить. Недолго находился Ваня в роте. Его тянуло в разведку: уж больно понравились бойцы, с которыми он вёл ночью полк. Смелые, находчивые, весёлые. Попросился у командира.

— Если возьмут, не возражаю,— ответил тот.

С Алексеем Алексеевичем Кривокуровым, начальником разведки, разговор был коротким и кончился согласием. Ваня стал разведчиком.

Алексей Алексеевич был строг, когда это требовалось, и ласков, если мальчик вдруг загрустит.

Ваня же старался всем помочь, всегда был пачеку. Если его брали в разведку, на настоящее боевое задание, то лучшего наблюдателя, чем он, не найдёшь. Быстро научился маскироваться, переползать по-пластунски, ходить бесшумно, словно зверь лесной, наострил слух.

Полк с боями шёл на запад. Во многих сражениях участвовали разведчики. И нередко впереди их взвода шагал Ваня Львов. В начале 1944 года ему было присвоено воинское звание — ефрейтор. Ваня гордился этим, очень гордился и, когда никто не видел, поглаживал лычку на погонах.

Летом 1944 года полк вёл бой за одну из высот. Попытка овладеть ею ни к чему не приводила. Фашисты окопались здесь основательно, подтянули артиллерию, не давали головы поднять. Но высоту надо было взять во что бы то ни стало! Об этом рассказал солдатам заместитель командира батальона по политчасти, которому были приданы разведчики.

— Через полчаса снова атака, — сказал замполит. — Наш батальон поднимается первым. Оправдаем, товарищи, оказанное доверие.

Наступила, как обычно в такие минуты, напряжённая тишина. Вскоре её нарушили залпы наших пушек. А потом взвились две красные и одна зелёная ракеты — сигнал к атаке.

Первым поднялся Ваня Львов. Он

вскочил на бруствер с поднятым над головой автоматом.

— За мной! Вперёд!

Что было потом, Ваня узнал лишь через неделю в госпитале, в Пскове. Он был ранен двумя осколками в живот через минуту после того, как принял сигнал атаки. Но эта минута сыграла роковую роль для фашистов. Полк стремительно атаковал противника и выполнил боевую задачу. Господствующая высота стала нашей.

Товарищи навещали Ваню, посылали ему всё, что можно. Врачи особенно бережно и внимательно выхаживали самого молодого пациента. Настал день, когда главный врач сказал:

— Будем тебя выписывать.

— Только в свою часть! — воскликнул Ваня.

Просьбу уважили.

Надо ли говорить, как встретили Ваню! Радовались все, а больше всех он сам.

Был и еще один памятный день войны. Командир зачитывал приказ о награждении отличившихся воинов. Один за другим выходили солдаты из строя.

— Ефрейтор Иван Андреевич Львов, — прочитал подполковник.

Ваня не тронулся с места. Никто его ещё никогда не называл по имени и отчеству.

— Что же ты, Львов? — повторил офицер.

Стоящий рядом с Ваней сержант подтолкнул его. Смущённый и покрасневший вышел наконец на середину Ваня. Подполковник прикрепил к его гимнастёрке медаль «За отвагу».

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил ефрейтор Львов.

В 1945 году ефрейтор Львов «по возрасту» был демобилизован и направлен по путёвке комсомола в ремесленное училище города Днепрпетровска. После его окончания — в Ленинград. Последние 10 лет работает в НИИ «Гириконд».

По праздникам Иван Андреевич надевает медаль «За отвагу». Так повелось с тех пор, как об этом попросила шестилетняя дочь Люда.

Часто в семье разглядывают старенькую фотографию.

— Как они ко мне хорошо относились, — вспоминает Иван Андреевич, — заботились! А сахар, помню, весь мне отдавали. В разведке старались держать меня подальше от опасностей, придумывая различные мелкие задания. Особенно привязался ко мне пожилой солдат, вот тот, который стоит сзади. «Сынком» всё называл меня. А я сердился: «Я — ефрейтор». «Не сердись, сынок, это я люблю», — отвечал. Посмотрите, это он положил мне руку на плечо. Ласковую, заботливую. Забыл его фамилию, вот беда. Ведь более тридцати лет уже прошло. А тот, который в полушубке, эх, и смелый был, лихой. Все хотели на него походить...

Лет десять назад И. А. Львов нашёл своего командира А. А. Кривокурова. Он живёт в городе Яхrome Московской области. Переписываются, вспоминают годы боевые. Говорят заочно друг с другом как равные, как ветераны войны — бывший командир разведки и бывший сын полка.

В И Т Я

Почти три с половиной десятилетия прошло с тех пор, но Виктор Васильевич Сёмочкин хорошо помнит тот день — 22 июня 1941 года. Словно вчера это было...

— В то лето, — говорит он, — наш пионерский лагерь находился в районе Струг Красных. Хорошо там, красиво. Мы, ленинградские ребята, набирались новых сил, резвились, с увлечением занимались спортом.

И вдруг весь лагерь словно замер, наступила полная тишина. Узнали мы, что пришла большая беда: фашисты напали на нашу Родину. Началась Великая Отечественная война.

Через два дня Витя Сёмочкин уже был в Ленинграде. Он пришёл в военный комиссариат Московского района. Разумеется, без вызова: ему тогда и пятнадцати не было. Сам решил, что должен сюда явиться.

По улицам Ленинграда шагали только что сформированные воинские части, покидали город, шли на встречу врагу.

Особняком у здания мобилизационного пункта Московского райвоенкомата стояли ребята, — в призыве им отказали, малы ещё, возрастом не вышли.

Витя Сёмочкин в своих намерениях был твёрд. В военкомате он осмотрелся, подошёл к одному из работников, спросил:

— А разносчики вам нужны?
— Какие разносчики?
— Которые разносят бумаги по разным учреждениям...

— А-а, посыльные... Понятно! Да, сейчас в них имеется нужда.

— Так я бы смог...

В тот же день Витя стал внештатным сотрудником райвоенкомата. Через несколько дней ему выдали гимнастёрку и брюки военного покроя. Теперь он выглядел куда взрослее. Стал по-военному подтянутым — обмундирование обязывает.

12 июля 1941 года в его жизни произошло знаменательное событие: он был принят в члены Ленинского комсомола.

...На всех фронтах шли ожесточённые сражения. Враг стоял у стен Ленинграда. Витя Сёмочкин решил твёрдо: уйду на фронт! Хорошенько всё обдумал, разыскал командира дивизии народного ополчения Московского района, упросил, и тот взял его с собой. Витя стал связным при штабе дивизии.

Ополченцы прибыли в район боевых действий, когда гитлеровцы пытались перейти в наступление.

Свои обязанности Витя выполнял быстро и умело, к нему все привыкли: и в штабе, и в подразделениях. Мало кто обращал внимание на его молодость. В военной форме он выглядел значительно старше своих лет.

Всё шло бы так и дальше, если бы... Если бы его не заметил Климент Ефремович Ворошилов. Последовал приказ: «Ребенка немедленно отправить в Ленинград».

И тут впервые Витя не выполнил приказа. Совсем чуть-чуть. Он уже ехал в Ленинград на вездесущем «газике». Машину на повороте сильно качнуло. Витя спрыгнул на землю и... направился в свою дивизию. Там его откомандировали в отдельный батальон связи...

Старательный, смывлённый, смелый, Виктор и здесь стал всеобщим любимцем. Чаще всего наведывался он к разведчикам, допытывался, как это они берут в плен гитлеровских солдат, переправляют их через ли-

нию фронта. Рассказы разведчиков волновали, в памяти вставали прочитанные книги о гражданской войне, кинофильмы о юных бойцах Красной Армии. И однажды он решился:

— Возьмите меня с собой, когда пойдёте в их тыл.

Разведчики вежливо промолчали.

А Витя продолжал:

— Когда вы туда пойдёте, я пойду за вами со своей катушкой, буду тянуть провод. Вы же сможете прямо оттуда, с переднего края, по телефону докладывать!

Разведчики переглянулись. Предложение, видимо, им понравилось.

— Возьмите меня! — упрашивал Витя.

И вот первый выход Виктора с разведгруппой в стан противника. Как всегда, бойцы тщательно подготовились к операции. Учитывали, что с ними пойдёт новичок, да еще такой юный. В присутствии Вити разведчики обстоятельно разобрали весь сложный комплекс боевой задачи. Каждый боец точно знал, что и как ему предстоит сделать в эту ночь.

А ночь была особенной — канун 25-й годовщины Великого Октября! Нашему командованию стало известно, что в эти дни у противника ожидается смена некоторых воинских частей. Но так ли это? На фронте не всегда можно положиться на один источник информации — необходима проверка. Вот бы взять «языка»!

8 часов вечера. Группа захвата вышла первой. В ее составе — командир разведчиков, сапёры, связист Витя Сёмочкин. С ним телефонный аппарат, катушка с проводом.

До переднего края противника — сотня метров. Но как тяжело, сложно, опасно преодолеть сейчас это расстояние. Выйдя на «ничейную» землю, сапёры прежде всего проделали проход в минном поле. Это было ещё нетрудно: мины укладывали наши бойцы. Дальше — колючая проволока. Ее ножницами разрезали разведчики.

Вдруг в небе вспыхнула вражеская ракета. В этот миг нельзя было не

вздрогнуть, так неожиданно она взлетела в небо. Уж не заметили ли на стороне противника наших разведчиков?

Нет! И вновь воцарились темнота и тишина.

А впереди еще пять сложных препятствий, в том числе электросетка — провода под током высокого напряжения. Но, пожалуй, самое опасное — минное заграждение противника. Нашим разведчикам нужно было быстро разгадать тайну расположения мин, узнать их конструкцию.

О ходе операции связисты Витя Сёмочкин и Сергей Кожин по телефону периодически докладывали помощнику начальника штаба по разведке лейтенанту Зварыченко. Прежде чем начать доклад, они плотно укрывались плащами, чтобы голоса не были слышны.

С места, где укрылись наши разведчики, хорошо видно всё, что происходит сейчас у противника. Командир распорядился:

— Вести тщательное наблюдение, глаз не спускать с вражеской обороны. Как только сменится караул, бросок вперёд, снять часового...

Разведчики терпеливо ждут. Прошло более часа. Но вот сигнал командира, наши бойцы ворвались в траншею врага, бесшумно схватили часового, засунули ему в рот клеп и перебросили через бруствер.

— Теперь — в землянку!

Ещё минута-две, и второй пленный в наших руках. Им оказался пулемётчик.

Тем же путём с «трофеями» разведчики возвратились в расположение своих войск. Последними отошли командир группы захвата и связисты.

А потом уж так повелось, что Витя постоянно сопровождал разведчиков, когда те совершали вылазки за «языком».

— Трудно сказать, — вспоминает Виктор Васильевич, — сколько раз я ходил тогда в тыл врага. Учёта не вёл.

Наступал новый, 1943 год.

— В нашей группе было четверо

бойцов, — рассказывает В. В. Сёмочкин, — подобрались к фашистской землянке. Выставили вперёд автоматы, нацелили на дверь. Мне подали знак: «Открывай!» Я так и сделал, рванул дверь на себя. А там ещё дверь. А перед ней овчарка. Бросилась она на меня, лапы на плечи, раскрыла пасть, оскалилась, зубами поровит схватить за горло. Едва успел я заслониться рукой. Тут и товарищи подоспели... Ворвались мы в землянку... В свою часть вернулись, полностью выполнив боевую задачу: «язык» бы взят.

В декабре 1943 года с разведчиками-однопольчанами В. В. Сёмочкина встретился Андрей Александрович Жданов. В беседе он сказал, что предстоят решающие бои — они приведут к снятию блокады Ленинграда! В связи с этим командованию очень нужны сведения о тыле противника, в частности в районе Ропши.

А. А. Жданов познакомился с каждым разведчиком. Подошёл к Вите Сёмочкину. Обратил внимание на его возраст, сказал, что ещё рано ходить в разведку. А разведчики — за него: «Да он уже много раз побывал в тылу врага». А. А. Жданов спросил у Вити:

— Где твой отец?

— На Ленинградском фронте.

— А мама?

— Тоже на фронте.

— А кто же дома?

— Никого... Сестра Клара умерла от голода в Ленинграде.

Наступила пауза. Затем Андрей Александрович, обращаясь ко всем разведчикам, сказал:

— Берегите его...

Задание наши разведчики выполнили. Тогда Вите присвоили звание младшего сержанта. Он стал комсоргом 621-го отдельного батальона связи 189-й стрелковой дивизии. Дивизия прошла славный боевой путь. Сформированная из ополченцев Октябрьского района, она храбро сражалась.

В сентябре 1942 года, в годовщину формирования 189-й стрелковой дивизии, дети Октябрьского района

обратились к своим отцам и старшим братьям, к мужественным защитникам города Ленина с письмом.

«Дорогие бойцы! — говорилось в их письме. — Этот год принёс нам, детям и взрослым, много горя, несчастья, лишений. Невыносимо тяжело мы прожили эту зиму. Проклятые фашисты заставили нас мучиться в холодных и тёмных квартирах. Мы испытали на себе голод и холод...

Дорогие бойцы и командиры! Отомстите за наши страдания и слёзы, за пролитую нами кровь, Идите

вперёд и только вперёд! Ни шагу назад! Помните, что за вами город Ленина».

Письмо подписали школьники. Вот их имена: Юра Иванов, Рита Богданова, Лида Маркевич, Нина Пикунова, Алла Раукова, Витя Кононов, Лёня Рубинзон, Гена Востриков, Костя Чистов, Жёня Алексеева, Нина Ендрожевская, Володя Поздняков, Кира Тоумова, Тося Давыдова.

Тогда они были сверстниками, а может быть, и младше его, Вити Сё-

мочкина. Как-то сложилась их жизнь?

...В январе 1944 года, перейдя в решительное наступление, 189-я стрелковая дивизия вместе с другими частями и соединениями фронта беспощадно громила немецко-фашистских захватчиков. Освободили от врага ленинградскую землю, а затем Эстонию и Латвию.

Когда сержант Семочкин вошёл в поверженный Берлин, на его груди были ордена Отечественной войны, Красного Знамени, Славы III степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда».

Сейчас Виктор Васильевич — учитель 371-й школы Московского района. С этой школой связана вся его жизнь. Здесь он учился в предвоенные годы, отсюда ушёл на защиту своей Родины, здесь теперь трудится.

КОЛЯ

Он родился в Гатчине. Ему не было еще и одиннадцати лет, когда началась война. Отец был коммунистом и в числе первых ушёл на фронт.

Коля и его четырёхлетний братишка Жора с мамой убежали от фашистов в Ленинград. Жили на 8-й Красноармейской, в доме 18.

Осаждённый врагом город подвергался постоянным жестоким бомбёжкам и артиллерийским обстрелам. Как все женщины фронтового города, Колина мама была бойцом противовоздушной обороны, умела оказывать пострадавшим первую медицинскую помощь. В июне 1942 года во время артобстрела во дворе дома она перевязывала раненого. Там её и убило фашистским снарядом. Ещё раньше от голода умер Жора.

Коля Сенчугов остался один, и кто знает, что случилось бы с ним, если бы не встреча с молодым солдатом Василием Асановым. Он приехал, имея поручение от Колиного отца. Узнав, что мама и братишка Коли погибли, Асанов предложил ему поехать на фронт, к отцу, старшине роты.

Увидели мальчишку солдаты — расстроились. Митинг собрали. Показались отомстить за всех погибших ленинградцев, без пощады бить немецко-фашистских захватчиков.

Тут же по просьбе солдат старший лейтенант Воронов отдал приказ: зачислить Николая Сенчугова красноармейцем подразделения и назначил его своим связным.

— Прежде всего, — дружно решили солдаты, — мальчишку нужно подкормить.

— На всю жизнь запомнил я бойца-повара дядю Петю Кунавинского, который выходил меня, дистрофика, — вспоминает Н. С. Сенчугов. — Помню и другого бойца — дядю Васю Суслова, позаботившегося о моем военном обмундировании.

С большим интересом и настойчивостью изучал Коля стрелковое оружие, быстро научился стрелять из нагана, винтовки, автомата. Солдаты хвалили его за смелость, твёрдость характера.

— Быть тебе, Коля, офицером! — шутили они.

Вскоре Колю уже знали во всей дивизии. Как связной 396-го отдельного миномётного дивизиона, он часто бывал в разных подразделениях. Всюду отмечали его исполнительность, аккуратность. Отец был рад и горд за своего сына.

Однажды на фронт приехала делегация шефов из Ленинграда. Посланцы рабочих встречались с бойцами в траншеях, блиндажах, вручали письма, подарки. Коле шефы преподнесли специально сшитое для него обмундирование.

Сохранились фотоснимки того времени. Вот фотография из дивизионной газеты «За Родину» от 20 августа 1943 года. Коля у велосипеда, на котором он исколесил не один десяток километров, доставляя срочную военную почту. Обстрелы, бомбёжки, холод, дождь — всё было нипочём юному солдату. Точно в указанное

время пакет доставлялся по назначению.

Сейчас может показаться, что такая служба, мол, несложная, знай, крути педали. Но другого мнения о связистах фронтовики. Спросите их, и они вам скажут, что порой доставить в срок пакет старшего командира подчинённому было сложнее, чем вести рукопашный бой в окопе. От связистов — радистов, телефонистов, посыльных зависело очень и очень многое. Не случайно на снимке мы видим на груди Коли медаль «За оборону Ленинграда».

В самом начале января 1944 года

юного воина направили в роту связи артиллерийского полка под Пулковое. Отсюда наши войска пошли в наступление. Началось историческое сражение за полное снятие вражеской блокады Ленинграда.

За Красным Селом, в одной из небольших деревушек, занятых советскими воинами, командир роты связи капитан Панков вручил Коле пакет.

— Срочно доставить командиру пехотной батареи, — сказал он.

Это было совсем нелегко. Фашисты засекли батарею и непрерывно её обстреливали. В пакете, который доставил Коля, были даны указания комбату, как действовать в сложной обстановке. Здесь же после долгой разлуки произошла короткая встреча Коля с отцом.

— Слышал о тебе, сынок, — сказал старшина. — Рад, что с честью носишь нашу фамилию. Смотри не подкачай!

Коля улыбнулся:

— Не сомневайтесь, товарищ старшина.

Отец и сын обнялись.

— Мне пора, пап.

— Иди, сынок!

Наши войска продвигались вперёд. Но до полной победы ещё было далеко. Ещё шли ожесточённые бои.

5 марта 1944 года рота связи расположилась на хуторе Ялака. Был солнечный день. Вдруг налетели вражеские бомбардировщики. Многие связисты погибли. Коля был ранен. Боль казалась нестерпимой. Но солдат не пал духом. Неподалёку лежал тяжело раненный старший сержант Константин Калло. Коля с трудом

подполз к нему и, как мог, оказал первую медицинскую помощь, сделал перевязки и, возможно, этим спас ему жизнь.

Сенчугова же подобрали санитары и отправили в Сланцы, в госпиталь, на операцию. И только 29 лет спустя Николай Семёнович встретил Константина Калло, хотя все эти годы спасённый им фронтовой товарищ жил и работал в городе Пушкине.

На ещё одном фотоснимке, сохранившемся у Николая Семёновича Сенчугова, мы видим его в группе воинов. Снимок сделан в апреле 1944 года в батальоне выздоравливающих после ранения. Коля с бойцами здесь — как равный с равными.

Когда же Коля вернулся в свою часть, ему вручили предписание: прибыть в Ленинград. В это время в нашем городе проходило формирование Нахимовского училища.

В новом военно-учебном заведении Коля учился хорошо. После выпускных экзаменов поступил в Высшее военно-морское училище подводного плавания, в 1956 году окончил его с отличием.

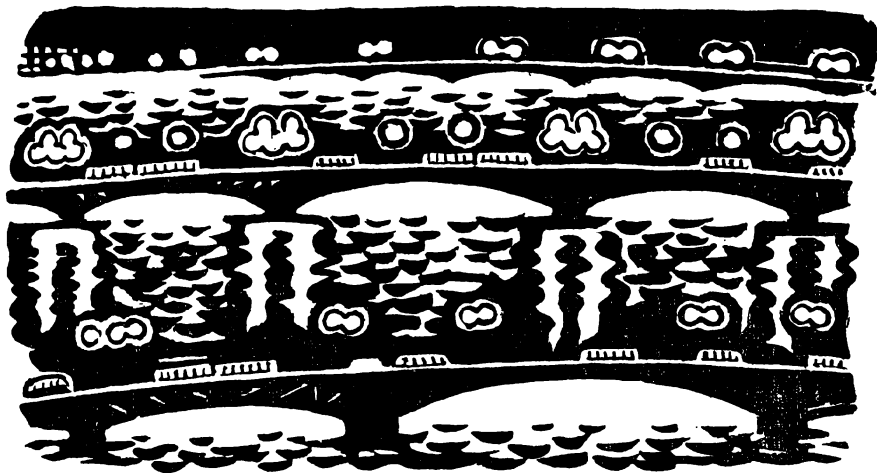
Сбылось предсказание однополчан-фронтовиков: «Быть тебе, Коля, офицером». Некогда «маленький солдатик», как называли его в воинской части, пройдя войну, стал закалённым офицером Военно-Морского Флота. Командование ставило его в пример. Тогда он был лейтенантом, командиром отличной боевой части подводной лодки. Ныне он капитан II ранга.

Георгий КРИВИЧ,
Захар ХАЙТЛИН

Рис. Г. Ясинского

МОСТЫ ВЕЛИКОГО МУЖЕСТВА

Прежде чем начать свой рассказ, я задам вам вопрос:

— Сколько мостов перекинуто через Неву? Не через её рукава и притоки, а через саму реку, через Большую Неву?

Вижу, как вы мысленно поднимаетесь вверх по течению реки и начинаете считать: мост Лейтенанта Шмидта, Дворцовый, Кировский, Литейный, Большой Охтинский, Александра Невского, Финляндский железнодорожный, Володарский... Итого: восемь!

— А сколько их было в годы войны?

Вы вначале удивляетесь этому вопросу, а потом вспоминаете, что самый длинный мост Александра Невского ведь построили уже после войны... Значит, семь!

Ответ правильный, да не совсем... Почти весь 1943-й и часть 1944 года через Неву было перекинуто девять мостов. И два моста, кроме тех, которые мы назвали, были в ту пору для ленинградцев самыми главными, самыми дорогими. То были мосты жизни, мосты великого мужества... И хотя их нет уже теперь, память о них долго будет жить в сердцах многих защитников нашего города.

Тяжело приходилось блокированному Ленинграду. Фашисты перерезали железнодорожные пути... Гитлер уже, потирая руки, приговаривал, что теперь обречённый на голод город, без всяких боёв, словно яблоко с дерева, упадёт к его ногам.

Так думал он, но совсем не так думали ленинградцы.

Оставался у них один проход на Большую землю — через Ладожское озеро... Покуда не наступила зима, продовольствие и другие грузы перевозили на баржах. Когда морозы сковали озеро ледяной бронёй, открылась знаменитая Дорога жизни, по которой тысячи и тысячи автомобилей перевозили грузы для осаждённого города.

Чёрными стаями летали над этой ледовой дорогой фашистские самолеты, бомбили её, но и под огнём врага она продолжала действовать. Воины Ленинградского фронта тем временем готовились к великому сражению — прорыву блокады.

18 января 1943 года близ устья Невы в фашистском кольце была пробита брешь. Блокада прорвана!

И чуть ли не в тот же день, когда горячо обнялись солдаты Ленинградского и Волховского фронтов, к начальнику инженерных войск нашего фронта Борису Владимировичу Бычевскому пулей влетел Зубков:

— Товарищ начальник, давайте скорее сапёров! Немедленно надо разминировать невский берег. Мне приказано за десять суток построить железнодорожный мост через Неву. Слышите — за десять суток! И не через какую-нибудь речушку, а через саму Неву! Скорей, скорей сапёров! Пустим через мост поезда с продовольствием, с боеприпасами, со всем, что нужно Ленинграду...

Кто же такой этот Зубков?

Мало кто из вас, наверное, знает, что метро в Ленинграде начали строить ещё до войны. Начальником этого подземного строительства и был Иван Георгиевич Зубков.

Работали у него самые лучшие строители, какие только были в городе. А когда началась война, строители метро выполняли на фронте самые ответственные оборонительные работы. И вот теперь ещё одна работа, да какая!.. Как можно быстрее соединить железнодорожной колёй Ленинград с Большой землёй. Но для этого надо было преодолеть огромную водную преграду — Неву! Приказ был короток и ясен: через десять суток мост должен быть построен. А ведь Нева в том месте, где воды Ладоги устремляются в её русло, очень широка. И фашистские воздушные разведчики сразу обнаружат на льду множество людей, строящих мост.

Так оно и случилось. Гитлеровские батареи начали обстреливать участок строительства. Рвались снаряды, но работа не прерывалась. В ответ грохотали наши орудия. А среди этого грохота, взрывов, осколков строился мост.

Десять суток — неслыханный срок для возведения моста длиной в несколько сот метров. Но строители, возглавляемые Зубковым, выполнили приказ точно в срок. Они возвели не только мост, но и по земле, отбитой у фашистов, проложили железнодорожную колею.

5 февраля 1943 года по путям, построенным близ южного берега Ладоги, через новый мост прошёл первый поезд. Это были вагоны и платформы с тяжёлым вооружением. Мост с честью выдержал экзамен. А через три дня уже началось постоянное движение по новой линии. Прибытие первого пассажирского поезда с Большой земли было настоящим праздником для ленинградцев. И если в городе Ленина в тот день было особенно радостно, то в стане врага было совсем другое настроение. Когда Гитлер узнал, что в Ленинград прибыл первый поезд, а другой отправился с берегов Невы в глубь Советской страны, он пришёл в страшную ярость. А вслед за этим он получил ещё одно сообщение — неподалёку от первого моста, ниже по течению Невы, возводят второй мост.

Действительно, едва закончив первый мост, строители начали возводить второй. Для чего? На случай, если фашисты повредят один, можно будет на время ремонта использовать второй...

Гитлер ругал своих генералов, которые не сумели сорвать строительные работы. Он кричал:

— Разрушить мосты, не давать русским ни одного спокойного дня, засыпать их тысячами снарядов и бомб! Пусть русские думают, что блокада прорвана, — она будет продолжаться.

Да, мы знали, что фашисты не будут спокойно наблюдать, как идут наши поезда с грузами. Знали, что будут обстрелы и бомбёжки. И неподалёку от мостов оборудовали огневые позиции наши артиллеристы. Были подвезены снаряды. Как только фашисты открывали огонь, наши пушки засекали, откуда стреляют вражеские батареи, и обрушивали на них свои тяжёлые снаряды.

На южном берегу Ладоги, где проходила новая колея, был участок, который хорошо просматривался фашистами. Поезд был виден врагам как на ладони. По железнодорожному составу сразу же начинали бить вражеские орудия. Место это буквально перепыхивалось сотнями и тысячами снарядов. Поэтому решено было движение поездов производить после наступления темноты. Обстрелы, правда, продолжались и ночью, но они уже не были прицельными. И как Гитлер ни беспокоился, поезда в Ленинград и обратно продолжали ходить.

Но тут другая страшная опасность начала приближаться к двум деревянным мостам. Близилась весна, всё теплее пригревало солнышко. Потихоньку начинал подтаивать лёд. Это значит, что не за горами и ладожский ледоход.

Вы, наверное, не раз наблюдали ледоход на Неве. В течение нескольких суток подряд огромное количество льда движется по реке в Финский залив. Видели вы, какие порой огромные льдины плывут в этом белом потоке. Для каменных быков Кировского, Литейного и других мостов они не страшны, а вот для тех, деревянных, что построили в верховьях Невы?

Хорошо помню апрельский день, когда вместе с Иваном Георгиевичем Зубковым стоял на первом мосту. Зубков озабоченно смотрел на его пролёты. Уж очень малой была ширина этих пролётов, между ними не то что крупная, но даже средней величины льдина не пройдёт.

— Ты знаешь, что такое Ладога? — неожиданно заговорил Зубков. — Это ведь море, настоящее море!.. Восемнадцать тысяч квадратных километров — вот зеркало этого моря. И всё это покрыто льдом. Не тоненьким, а чуть ли не полярным. Ладожская ледяная броня свободно выдерживает и танки, и паровозы. Представляешь себе, что это за глыбы? Попадают такие «льдинки», что на них хоть парад устраивай. Конечно, не весь этот лёд обрушится на наши мосты. Наибольшую часть его растопит солнце ещё до наступления ледохода. Но, самое малое, дней пять ладожские льды будут сотрясать этот мостишко. Предстоят дела, брат! Да ещё какие...

Я понял из слов Зубкова, что развернётся борьба за спасение мостов. Вероятно, Зубков уже чётко представлял себе, как будет она проходить, но в то апрельское утро он об этом ничего не сказал...

Вначале хотели было разобрать первый мост. Второй был более прочный. Но фашистские обстрелы продолжались. Вдруг какой-нибудь шальной снаряд нанесёт рану второму мосту? Прервалось бы движение поездов. «Нет, — решило командование, — первый мост надо во что бы то ни стало сохранить».

Фашисты тоже ожидали ладожского ледохода. Им хотелось, чтобы он начался как можно раньше. И хотя солнце припекало всё сильнее, ледяная озёрная броня держалась крепко. Тогда фашистские генералы направили на Ладогу бомбардировщики. Грузённые тяжёлыми бомбами самолёты обрушивали свой смертоносный груз на ледяной панцирь озера. Огромной паутиной змеились по льду трещины. Фашисты

были уверены, что сотни тысяч тонн тронувшегося льда снесут две тоненькие нитки деревянных мостов, от них и щепочки не останется.

Помните по истории битву воинов Александра Невского с вторгшимися на нашу землю тевтонскими псами-рыцарями? Она происходила на льду Чудского озера, и это страшное сражение называли Ледовым побоищем. И вот теперь наши сапёры, железнодорожники и много других людей готовились к новому «ледовому побоищу». Место этой невиданной битвы — первый, верхний мост через Неву, ведущий к Шлиссельбургу (теперь Петрокрепость).

Лёд вот-вот должен был тронуться.

Заблаговременно было заготовлено и подвезено большое количество толовых шашек. Тол — это взрывчатка. В ожидании начала ледохода вблизи расположились несколько сот сапёров-подрывников. Они находились в боевой готовности номер один. Это значит, что по первому сигналу они должны вступить в битву.

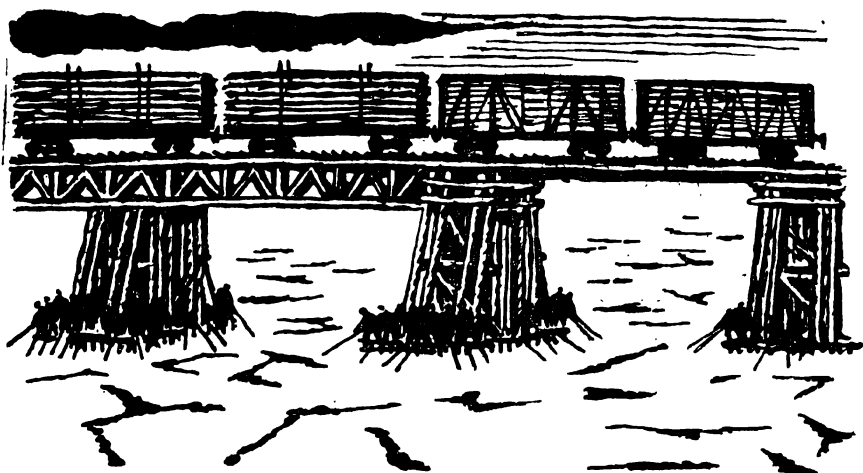
На помощь подрывникам прибыло несколько тысяч ленинградских женщин. Они были бойцами из частей, которыми командовал Иван Георгиевич Зубков. Чего только не вынесли на своих плечах эти героические девушки и женщины города Ленина! Они добывали торф, заготавливали дрова, ремонтировали дороги, прокладывали новые железнодорожные пути — делали всё, что требовала война. И теперь они прибыли сюда, чтобы вступить в жестокую схватку с наступающими грозными льдами Ладоги...

И вот она началась, эта ледовая битва. Будучи военным корреспондентом, я должен был рассказать о её героях и потому находился на мосту. Помню, как около двух тысяч женщин с баграми и пешнями в руках, плечом к плечу, нескончаемой цепью выстроились на нижних устоях деревянного моста. Среди них, на равном расстоянии друг от друга, находились и двести сапёров-подрывников с запасами толовых шашек.

Зло дует с Ладоги свирепый ветрина, обжигает лица. Женщины одеты в чёрные ватники, и лишь на немногих брезентовые куртки. Стоят они на уступах в кирзовых сапогах, коченеют на ветру, слёзы текут из глаз, но стоят, иначе нельзя.

И вот тронулся лёд. Видно было, как огромная площадь сразу покрылась густой сетью черневших трещин. Ударяясь друг о друга,

льдины с шуршанием поползли к деревянному мосту. Женщины сразу же взялись за багры и пешни. Первые мелкие льдины свободно прошли между узкими пролётами моста. Но вот приближаются и первые глыбы. В бой вступают сапёры. Вспыхивают не гаснущие на ветру специальные штурмовые спички, поджигаются толовые шашки. Резким взмахом подрывники кидают их на крупные льдины. Шашки взрываются и дробят голубоватые глыбы. Теперь только поспевай. Длинными баграми проталкивают женщины ледяные обломки между пролётами. Ко второму мосту, высящемуся ниже по течению в километре от первого, Нева несёт уже безопасное ледяное крошево. А там, на первом мосту, не отрываясь ни на минуту, армия женщин и двести сапёров-подрывников продолжают дробить и перемалывать бесчисленные глыбы из гигантского ладожского ледника. Теперь уже никто не чувствует обжигающего дыхания лютого ветра, остервенело набрасывающегося на измученных блокадой людей. Никто не замечает, что насквозь промокли

портянки, рукавицы... Становится даже жарко. Развязываются платки и ушанки, расстёгиваются ватники...

Ни минуты перерыва! Лёд не ждёт! Словно на колоссальном конвейере, его подносит и подносит к устоям всё больше и больше. С характерным шипением рвутся шашки, сотни толовых брусков желтоватого цвета. Стоит, держится наш первый Шлиссельбургский мост!

Тем временем готовилась заступать очередная смена женщин и сапёров. Ночью настанет черёд третьей смены. Всё происходит точно по графику. И всё же временами лёд напирал с такой силой, давление на мост было столь огромное, что кое-где начали образовываться перекосы.

Военные инженеры, находившиеся тут же, хорошо видели эти грозные предательские перекосы. Если посмотреть сверху, то ранее прямой мост выглядел искривлённым, зигзагообразным. Да, Ладога не шутила! И в эти моменты ещё быстрее работали сапёры, ещё скорее, проворнее гнали женщины лёд, ослабляя его напор, и мост снова выпрямлялся.

О том, что начался ледоход, узнали и фашисты. А как с мостами? Гитлеровские генералы выслали воздушную разведку.

Наши тоже знали, что фашистские стервятники появятся над мостами. И потому над рекой всё время дежурили наши истребители. На

берегах находились и наши зенитчики. Им было трудно вести огонь по гитлеровским пиратам: можно было попасть и в свои самолёты.

Фашистов отогнали, но гитлеровские разведчики всё же успели разглядеть в просветы, что на первом мосту находится множество людей, которые, видимо, дробят лёд. И тогда одна из фашистских батарей открыла огонь по мосту.

Да, это были очень тяжёлые, страшные минуты. Ноющий свист снарядов, гулкие разрывы, гигантские гейзеры воды, мелкие осколки льдин, обрушивавшиеся на людей, заставляли невольно вбирать головы в плечи. Тут не бросишься на спасительную землю, как это делают при обстрелах на суше. Тут и лечь некуда. Да разве ляжешь, если с озера всё подносит и подносит ледовый поток? Грохочут разрывы. Где-то у левого берега ранило нескольких женщин. Но остальные стоят и делают своё дело.

В тот же день я побывал в госпитале и был свидетелем такого эпизода. Одна из доставленных сюда женщин, прядильщица с фабрики «Рабочий» Ольга Егорова, была легко ранена осколком в плечо. Она упрашивала врача:

— Товарищ хирург, ну выпишите меня из госпиталя, раны я совсем не чувствую...

— Не могу этого сделать. Денька через три, может быть...

— Денька через три... А Ладога тоже три дня ждать будет?

— Нельзя вас выписать, разболится рана, понимаете, чем это пахнет?

— Если потом разболится, то это уже не страшно, лёд-то уже пройдёт...

Доктор так и не отпустил её, но вечером она выпросила у кого-то ватник, надела его поверх госпитального халата и убежала. Вскоре она уже была среди своих подруг и продолжала проталкивать лёд между пролётами. Вот какие самоотверженные люди участвовали в «ледовом побоище» на Шлиссельбургском мосту!

Фашисты между тем не утомились. С разных огневых позиций они начали обстреливать второй мост, серьёзно его повредили. Пропустить по раненому мосту железнодорожные эшелоны было нельзя. Но движение поездов не прекратилось. Они шли по искривлённому напором льда первому мосту. Машинист медленно вёл его по изогнутой колее и благополучно достиг противоположного берега. Через четверть часа прошёл второй, тяжело гружённый состав. Всю ночь двигался эшелон за эшелоном. А внизу под их колёсами продолжалось сражение с не перестававшими наступать ладожскими льдами.

«Ледовое побоище» на Шлиссельбургском мосту завершилось большой победой. Около семи суток продолжался ледоход, и мосты уцелели.

Прошли последние льдины... Высоко в небе проскользнул фашистский воздушный разведчик. Возвратившись, лётчик доложил: мосты невредимы. К тому времени исправили повреждения на втором мосту. Но и без этого донесения фашистское командование знало, что движение поездов в Ленинград и обратно не прекратилось. Фашистская звуковая разведка засекала прохождение каждого эшелона и даже подсчитывала, сколько их проследовало.

Позже в одном из вражеских журналов был напечатан снимок. Вначале трудно было понять, что на нём изображено. Можно было подумать, что это фотография поверхности луны,— виднелось множество кратеров. «Нет, это не лунный ландшафт,— гласила подпись под снимком,— это участок железной дороги, ведущей в Ленинград. И то, что

вам кажется кратерами, это воронки от разрывов наших снарядов. Разве могут здесь ходить поезда?»

Но они продолжали ходить и через этот «лунный ландшафт». Настоящими героями были наши славные железнодорожники. Каждая проводка поезда проходила в бою. Машинисты вели поезда по колее, отдельные участки которой на полметра были покрыты водой, вели по выщербленным разрывами рельсам.

Я расскажу вам об одном обыкновенном дне наших железнодорожников в ту грозную пору. Это записи, занесённые в дневник паровозной колонны 18 июня 1943 года.

* * *

«Машинисты Грин и Ачкосов с бригадами, главный кондуктор Леонтьев, старший Некрасов, вагонный мастер Дмитриев под обстрелом в течение сорока трёх минут в нескольких местах исправляли повреждения, причинённые фашистскими снарядами. Поезд проведён благополучно».

* * *

«Поезд № 927 подвергся бомбардировке. Часть состава разбита. Ранен помощник машиниста Павлов».

«Паровоз 718-30 подвергся обстрелу. Повредило магистраль. Путь засыпало землёй. Исправления и расчистка пути произведены силами бригады под непрерывающимся обстрелом. Поезд выведен невредимым. Позже поезд снова подвергся налёту. Сгорел вагон. Ранены оба машиниста — Баранов и Амосов и кочегар Клементьева. После перевязки Амосов вернулся к регулятору и довёл поезд. Вся бригада вела себя героически, благодаря чему от пожара спасены многие вагоны».

* * *

«Снарядом пробита паропроводная труба паровоза 718-85. Состав загорелся. Погиб поездной вагонный мастер Рыжков. Тяжело ранен помощник машиниста Алексеев, легко — проводница Кущелина».

* * *

Записи со страниц дневника паровозной колонны звучат как короткие донесения с поля боя. Обстрелы, пожары, ранения и гибель отдельных железнодорожников...

Каждый день Гитлеру представляли сводку о количестве прошедших поездов. Разъярённый, он метал гром и молнии. Известный ленинградский художник, остававшийся в осаждённом городе, Иосиф Серебряный нарисовал плакат. На нём был изображен беснующийся Гитлер. Звериные глаза его устремлены на поезд, идущий в Ленинград. Из паровоза высунулся машинист и, сложив кукиш, показывает его Гитлеру. Надпись на плакате гласила: «На-кося, выкуси!» Этот плакат был отпечатан большим тиражом и расклеен на улицах Ленинграда, на всех станциях железных дорог.

ИСТРЕБИТЕЛИ

*Ревут на все лады турбины.
Раскалена от звона высь.
Там в поединке ястребином
Два истребителя сошлись.*

*Заход сменяется заходом,
И разворотом — разворот.
Полковник с молодым пилотом
Бой показательный ведёт.*

*Молниеносное сближенье,
Фигур отчаянный каскад...
С земли за ними с востигеньем
Все авиаторы следят.*

*Полковник дерзок и неистов,
Как говорят, «воздушный волк»,
И потому в победе быстрой
Заране был уверен полк.*

*Но вот в пылу атак условных,
Как с такта сбитый музыкант,
Обороняется полковник,
А наседает — лейтенант.*

*В шальном пике он видел серым
От перегрузки солнца шар,
Зато из нижней полусферы
Нанёс решающий удар.*

*И, покидая зону схватки,
Где проиграл впервые бой,
Молчал полковник до посадки,
Был недоволен сам собой.*

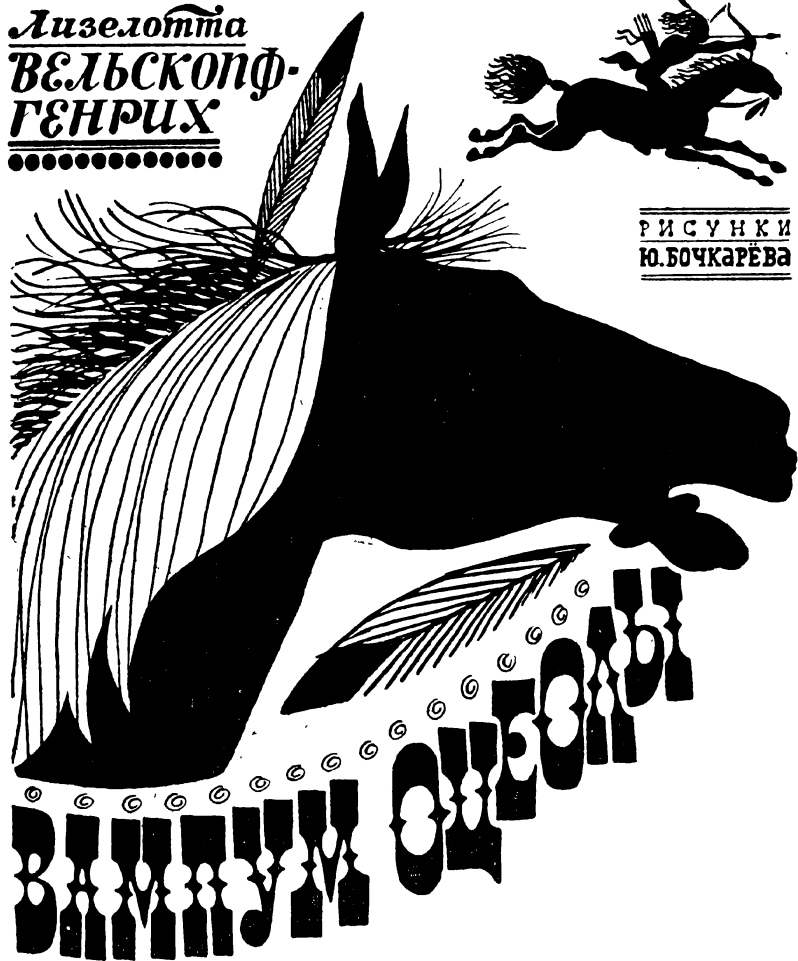
*Но тут же, выйдя из кабины,
Промокший, сбросил шлемофон,
И победителя, как сына,
Расцеловал с любовью он.*

Лизелотта
**ВЕЛЬСКОФ-
ГЕНРИХ**
.....

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЁВА

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Прошло три года.

Рельсы железной дороги дотянулись уже до лагеря строителей. К ночи ожидалось прибытие поезда с материалами. И Джо Браун собирался с этим поездом покинуть лагерь. Его миссия на строительстве была окончена.

Молодой инженер Генри вошёл в палатку, где жили Харка и Матотаупа.

— Джо Браун приглашает тебя и твоего отца на прощальный ужин. Быть на этом ужине — твоя обязанность, твоя служба. Так сказал инженер Браун, — произнёс Генри.

— Но служба не обязывает меня пить виски. Я не пью. Это может вызвать неудовольствие, если я приду и не стану пить. Но если хочет Джо Браун и если хочет отец, я приду.

— Хорошо. Мы будем вас с отцом ждать, как только прибует поезд.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1.

Генри был рад покинуть палатку. И дело было не только в том, что у них с Харкой не находилось общего языка. Ему не по себе было от женщины, которая присутствовала при разговоре. Он принял её за старуху, но о возрасте её трудно было сказать что-то определённое. Вместо носа у неё был багровый рубец, уши были отрезаны, щёки совершенно провалились, и руки были худы, как палки. Закутанная в чёрный платок, словно страшный идол, восседала она в глубине палатки.

Харка тоже не сожалел о быстром уходе молодого инженера. Поразмыслив немного, он покинул палатку и пошёл в лавку. Для этой единственной в лагере торговой точки в одном из бараков был отведён угол с окном. Всё здесь стояло втридорога, но так как других лавок поблизости не было, покупатели находились. Харка дождался, пока все разошлись, и тогда попросил трубочного табаку. Он расплатился монетой, которую извлёк из расшитого индейским орнаментом кошелька. Подкладка кошелька с одной стороны была зелёная, с другой — красная. Юноша демонстративно повернул зелёную сторону к торговке. Это был условный знак. Торговка — черноволосая, смуглая метиска — улыбнулась во весь рот, сверкнув белыми зубами, и на языке дакотов тихо сказала:

— Старуха . всё слушает. Вечером она придёт с внучкой за водой.

Харка вышел. Вернувшись в палатку, он отдал табак немой индианке, выкурил трубку и улёгся спать. До прощального ужина было ещё далеко.

Вечером он отвязал коня и поехал к ручью, который ещё не пересох, спустился напоить коня. Дул ветер. Чуть доносились обычные запахи лагеря — запахи грязной одежды, потных человеческих тел, кухни. Едва слышались далёкие голоса, бречение котлов. На западе лежали горы, на которые уже упали фиолетовые тени. В небе заблестели звёзды.

Старуха пришла.

Эта полная старая индианка целыми днями работала на кухне, чтобы прокормить себя и свою внучку. Она пришла сюда с ней, с девочкой лет четырёх, и пока ребёнок плескался в воде, она говорила на языке жестов, но не с ребёнком, как мог бы подумать посторонний наблюдатель, а с притаившимся Харкой, которого сразу же заметила. Она сообщила, что на кухню заходил парень из банды Джима и болтал там с белокожей девочкой, что затевается какое-то злое дело.

Юный индеец осмотрелся по сторонам и на языке знаков ответил:

— Пусть придёт белая борода с нашими братьями.

Старуха поняла ответ, позвала ребёнка и ушла обратно в лагерь. Она жила вместе с негритянками рядом с кухней, сюда она и пришла с девочкой. Затем она извлекла из своего мешка светлый китель,

который брала в починку, и отправилась с ним в канцелярию лагеря. Человек с льняной бородой, которая делала его на вид старше, чем он был, подметал помещение. Старуха взяла у него из рук щётку, чтобы продолжать эту работу, положила зашитый китель на стол и сказала белобородому:

— Приведи своих друзей на прощальный вечер. Гарри придёт.

Молодой человек забрал китель, поблагодарил старуху и вышел. Уже снаружи он натянул китель на себя, посмотрев на звёзды, определил, что у него ещё есть время до начала праздника, и как будто без всякой цели направился к железнодорожному пути, туда, где должен был остановиться поезд. Там он встретил траппера, который нёс дозор. Как будто между прочим, бросил ему негромко:

— Сегодня во время праздника мы сядем неподалёку от Гарри. — Затем в полный голос спросил: — Ну, так когда же придёт поезд?

Тут подошёл Рэд Джим, и белобородый не стал продолжать разговор. Джим мог его узнать, а до сих пор белобородый избегал попадаться ему на глаза. В нём трудно было узнать того босоногого юношу, который три года назад чуть не получил пулю из револьвера Джима. Сейчас он снова вернулся в лагерь и под чужим именем нанялся на работу. Табельщик взял его себе помощником, и Мак-Лину, как его звали, было известно мно-

гое, что некоторые люди хотели бы сохранить в тайне. Это Мак-Лин сообщил Харке, что Рэд Джим присваивает себе деньги индейцев-разведчиков. Харка при отце сказал об этом Джиму, и тому пришлось отказаться от чужих заработков. Харку с этого времени Рэд Джим возненавидел ещё больше.

НАКОНЕЦ около полуночи пришёл поезд.

— Ну вот, и последний день завершён точно по графику, — сказал инженер. — Значит, можно начинать. Пошли.

В огромной палатке, которая обычно служила столовой и магазином, были расставлены простые столы и скамейки. Посредине сооружен помост, где уже разместились музыканты. Стол для инженеров и администрации стоял ближе к буфетной стойке, недалеко от широкого прохода. Кто-то расстелил на нём скатерть и поставил цветы. Это не было предусмотрено программой Генри, но он не подал и вида, что это для него неожиданность.

Джо Браун сел в центре, его преемник Тейлор — слева от него, начальник станции — справа. Другие инженеры, бухгалтер и кассир заняли места по соседству.

Вошёл Матотаупа. Волосы его были аккуратно расчёсаны на пробор и завязаны в две косы. Лоб стягивала повязка из змеиной кожи, сзади за неё заткнуты два орлиных пера, которые нечасто украшали го-

лову бывшего вождя. Прекрасно расшитая кожаная куртка была, однако, изделием не дакотов, а пауни, о чём свидетельствовали линии узора. Впрочем, это могли понять только знатоки. Матотаупа держал себя независимо и гордо. Царственная осанка и весь праздничный наряд делали его совершенно другим человеком. Это был не просто индеец, ко-

торый собрался поужинать со своими товарищами по разведке, это был вождь, приготовившийся к приёму знатных гостей.

Харка, следовавший позади отца, не уступал ему ростом, но был по-юношески стройнее. Куртки на нём не было: зимнюю, меховую, он не захотел надевать, а летней он так ещё и не приобрёл. Отцовская накидка из бизоньей шкуры, сброшенная на его плечи, была украшена изображениями подвигов военного вождя рода Медведицы. Никто не мог сказать, было ли какое-нибудь оружие под этой накидкой. Садясь за стол, молодой индеец выбрал такое место, чтобы молодчики Рэда Джима оказались перед его глазами.

Заиграл оркестр. Скрипач подошёл поближе к почётным гостям и запел под свою скрипку. Гости, поднимая бокалы, поворачивались к Джо Брауну и приветствовали его. Джо едва успевал раскланиваться. Выступать с речами он не собирался, это было не в его духе. Матотаупа подошёл к Джо и что-то сказал ему. Инженер с удивлением поднял голову и энергичным жестом подозвал официантку Дези, на полной шее которой уже поблёскивали капельки пота:

— Дези! Имей, пожалуйста, в виду: за эти два стола, что перед нами, расплачивается Топ! За всё.

Девушка с сомнением посмотрела на вождя:

— Топ! О, тебя ждёт такой расчёт, что ты бы смог купить

целую ферму... Да сможешь ли ты заплатить столько?!

Матотаупа усмехнулся, достал небольшой кожаный кошелек и раскрыл его, чтобы девушка могла заглянуть.

— Топ!.. Кто бы мог подумать! — Дези даже залилась краской, а глаза её засияли так, словно она увидела чудо.

Матотаупа протянул ей несколько монет:

— Это за твою работу, — сказал он.

— Заказывайте, Топ платит за всех! — объявила она гостям за обоими столами, убирая монеты в карман передника.

— Виски и бренди! — весело заорали разведчики.

Очень скоро многие захмелели, слышались глупые, грубые шутки, начались хвастливые речи, а люди всё пили и пили за Матотаупу. Временами казалось даже, что виновник торжества не Браун, а Матотаупа. Харка спокойно ел своё жаркое и не принимал участия в разговорах, которые были неприятны и неинтересны ему. Матотаупе приходилось то и дело поднимать свой бокал, однако он ещё не выпил ни одного, а когда Дези подошла, чтобы наполнить бокал ещё раз, он выплеснул на землю остаток вина. И Харка заметил это.

Рэд Джим был совершенно трезв, хотя и выпил не меньше других. Матотаупа едва ли выпил полбокала. Харка впервые был среди пьющей компании, и отец решил показать сыну, что бывший вождь может быть

щедрым и вместе с тем в состоянии не пить колдовскую воду. Он всё больше и больше входил в свою роль: давно ему уже не случалось чувствовать себя в центре внимания.

Был уже третий час ночи, когда Харка сказал Джо Брауну, что хочет уйти в дозор, так как предутренние часы особенно опасны. Инженер не стал возражать, и Харка молча поднялся из-за стола.

В этот момент к нему потянулся с бокалом пьяный Майкл:

— Выпьем!

— Пей сам, — ответил индеец и направился к проходу.

— Выпьем, чёртов парень! Ты что, отказываешься?!

Харка не думал, что на этот крик кто-нибудь обратит внимание. Но тут у него на пути выросли четыре фигуры, Харка бросил взгляд на своих друзей и увидел, что они готовы прийти ему на помощь.

— Я не отказываюсь, я просто не пью. Пей сам, если ты хочешь, — спокойно ответил он, ничем не выдавая своего волнения.

— Тогда убирайся отсюда, осёл, убирайся, раз не понимаешь вкуса!

Харка улыбнулся. Такой поворот представлялся ему подходящим. Однако пьяный Майкл, видимо, действовал не так, как было нужно стоящим за ним людям. Один из них что-то шепнул ему.

— Да, да, — заорал снова Майкл. — Убирайся к своим дакотам! Это как раз то вре-

мя, когда они осыпают нас зажигательными стрелами!

Слова «дакоты» и «зажигательные стрелы» будто ударили по людям. За ближайшим столом смолк шум. Все находились в палатке, а палатка стояла на месте, где не раз возникали схватки. Неужели какое-то предательство?

Харка увидел, что четверо, вставшие у него на пути, не выпустят его, и он прыгнул навстречу Майклу, ударил его так, что тот отлетел в сторону. Сам Харка оказался рядом с отцом и выхватил из-под накидки револьвер. Оружие он направил, однако, не на Майкла, а на Джима.

— Убери своих, — сказал он тихо. — Или я стреляю.

Рэду Джиму не осталось ничего другого, как поднять руки, чтобы показать, что он и не помышляет об оружии, и заорать:

— Билл! Да успокой ты этого Майкла! Вечно он затевает скандалы! Вышвырни его!

Билл понял, что дело приняло не тот оборот, которого они ждали. Он схватил Майкла, из носа у которого текла кровь, и выбросил его из палатки.

— Убери револьвер, — приказал Матотаупа сыну.

Харка послушался, его правая рука снова скрылась под накидкой.

— Я пошёл, — произнес он и, никем не задержанный, вышел.

— Что это тут произошло? — спросил Тейлор.

— Дикий Запад, — пояснил

Джо Браун. — Ещё одно происшествие для вашей биографии.

— И вы считаете, что опасность миновала?

— Надеюсь.

— Скажи, это твой сын? — спросил Тейлор Матотаупу.

— Хау! Мой сын.

— Мне этот парень понравился. Он не пьёт, умеет выпутаться из разных историй, и, главное, у него долг службы — прежде всего. Такие люди нужны нам.

— Мальчик слишком нервный, — заметил Джим.

Утром Харка вернулся с дозора в свою палатку. Он уселся у очага и закурил. Семинолка сидела в стороне, и юноша мог видеть ее страшное лицо, слабо освещаемое огнём очага. Женщина молчала. Никто никогда не слышал, чтобы она произнесла хоть слово. Харка знал, что после поражения её племени во Флориде она была захвачена в рабство и только по окончании гражданской войны получила свободу. В лагере она работала посудомойкой на кухне. По предложению белобородого и с разрешения Джо Брауна Харка привёл её в палатку, чтобы она для него и отца делала всё, что входило в круг обязанностей женщины.

Сегодня Харка впервые заметил, как оживились глаза на её изуродованном, застывшем, как страшная маска, лице. Она поймала взгляд Харки и больше не отпускала его.

— Можно говорить? — с трудом, словно не владея го-

лосом, произнесла она на чужом ей английском языке.

Харка был погружён в свои мысли и не думал о женщине, пока она не поймала его взгляда. Произнесённые ею звуки были для него так неожиданны, как если бы вдруг заговорило дерево. И он должен был слушать и отвечать, покоряясь этому чуду.

— Кто тебя искалечил? — спросил он.

— Белые люди, а семинолы боролись...

— Я знаю, — медленно сказал Харка, — семь лет и зим они боролись. За каждого вашего убитого воина белые расплачивались сотнями убитых...

— Мы не были побеждены. Нашего вождя предали, и он попал в плен.

— Ваш вождь Оцеола умер в плену белых людей, я слышал об этом.

— Да, он умер. Это был отец моего отца. Мои мужественные родичи живы и борются вот уже сорок три года в болотах Флориды. Они будут продолжать бороться и сегодня, и завтра...

Женщина, а может быть молодая девушка, поднялась. Торчали худенькие плечи под чёрной матерчатой блузой. Она была высокая, как художник, быстро выросший ребёнок или как измождённая мать, кто знает?..

Презрение, ненависть пробились сквозь маску её застывшего лица.

— А ты, Харка, Твёрдый как Камень, Ночной Глаз, ты защищаешь белых людей, угне-

тателей, убийц, кровожадных койотов!

Харка поднялся.

— Иди принеси воды, — сказал он.

Когда семинолка вернулась в палатку, она не нашла Харки. Её глаза потухли, губы вновь плотно сжались. Она долго сидела у очага, потом резко поднялась, сбросила одеяло с Матотаупы и вылила оба ведра ему на голову.

Топ замотал головой, поднял веки и с удивлением посмотрел на семинолку. Потом вскочил и побежал к ручью выкупаться. Целиком погрузившись в воду, он попытался вспомнить, что же произошло ночью. И настолько невероятным показалось ему всё, что он сам себе не мог поверить и думал, уж не приснилось ли ему всё это.

Он вернулся в палатку, надел свой праздничный наряд и пошёл к станции.

Было около полудня. В лагере царил обычный шум и оживление. Все, кто мог, спешили к поезду, чтобы ещё раз проститься с Джо Брауном и Генри.

Матотаупа ни на кого не смотрел. Он сознавал, что потерпел два тяжёлых поражения: одно — в борьбе с самим собой, ведь он сказал себе, что больше не притронется к колдовской воде, второе — в глазах сына, которому дал обещание не пить. Нет, он всё-таки должен перебороть себя. Должен!

Его высокая фигура не осталась без внимания. Джо Браун, окружённый провожа-

ющими, увидел его и помахал рукой. Размеренными шагами направился индеец к инженеру, и люди расступились, давая ему дорогу. Матотаупа попрощался с Брауном особенно торжественно, почтительно и вместе с тем сдержанно. Это ему всегда удавалось, когда он был трезвым.

Машинист дал несколько нетерпеливых гудков. Джо забрался в товарный вагон, где уже был Генри. Колёса покатились на восток, и скоро в пыльной дали уже было не различить поезда.

В стороне от провожающих стояли Рэд Джим и его неизменный подручный Шарлемань.

— Итак,— сказал Шарли,— наша затея провалилась, птичка упорхнула.

— Да, мальчишка оказался проворнее... но я терпеливый. Ты видишь вон там одиноко стоящего Топа? Деньги-то у него фью-ить! — присвистнул он.— Могу биться об заклад, что он получил их за самородки. Если он захочет и дальше разыгрывать большого

господина, то ему потребуется золото. Он пойдёт за ним. Ну, а я повисну у него на спине.

— А не думаешь ли ты, что тебе придётся пригласить и меня? Ведь есть Гарри. Нам не удалось от него отделаться, а его не сбросишь со счёта.

— Подождём. Если хочешь иметь добычу, надо уметь ждать. Это первое правило охоты. Если не умеешь — выходи из игры!

— Нет, уж меня-то ты теперь не выкинешь из игры!

Пока происходил этот разговор, Харка побывал в палатке. Он забрал свое бизонье одеяло, взял Серого и выехал в прерию. Он не мог сегодня больше видеть лица семинолки, её сжатых губ, гримасы ненависти на искаленном лице. Не хотел он встречаться и с отцом.

«ЮНИОН ПАСИФИК» *

Полтора года прошло с тех пор, как Джо Браун с товарным поездом уехал на восток. Прошёл год, как было завер-

* «Юнион Пасифик» — название одной из крупнейших железнодорожных компаний США. (Примечание переводчика.)

шено строительство линии и от Чикаго до Сан-Франциско ходили поезда.

Была весна. Пассажирский поезд шёл по безлюдной, поросшей травой высокогорной прерии Запада. Клубы пара неслись за паровозом, ритмично постукивали колёса. Закоптелый кочегар подкидывал в топку уголь, машинист следил за путём и распоряжался рычагами.

В первом вагоне у первого окна сидел молчаливый пассажир. Его мягкие и довольно длинные волосы были наполовину седы. Уже многие часы его голубые глаза не задерживались на лицах попутчиков. Он смотрел в неоглядную даль. Иногда он делал произвольные движения правой рукой, точно зарисовывал что-то. И можно было заметить, что пальцы у него довольно длинные, а главное, что это рука интеллигентного человека. На пассажире был кожаный костюм из очень тонкой, мягкой, дорогой кожи — костюм для верховой езды.

Индейцы называли его по-разному: Жёлтая Борода, Далеко Летающая Птица, а чаще всего — Волшебная Рука. Он был художником и ездил по стране, рисуя портреты прославленных индейских вождей.

Художник вздрогнул, услышав, как один из беседующих в купе пассажиров назвал другого по имени: «Браун».

— Простите, вы не тот ли Браун, Джо Браун, который работал на строительстве этой дороги? — спросил он.

— Совершенно верно, это я, — представился один из пассажиров, широкоплечий пожилой мужчина. — Сейчас мы как раз проезжаем знакомые мне места.

— А вы не знали Топа и Гарри, — спросил художник. — Мое имя Моррис, я тоже бывал в этих краях.

— Топ и Гарри? Иначе Матотаупа и Харка? Я расстался с ними полтора года назад...

— Мне хотелось бы их повидать.

— Где вы выходите?

— На ближайшей станции.

— Вон там-то мы их и можем повстречать, если нам не изменит счастье. Оба они — разведчики железнодорожной компании.

Наступил вечер. Показалась станция. Путь здесь описывал кривую, и были хорошо видны огромные палатки, деревянные бараки, штабели тюков и бочек. В лагере кипела жизнь, шло строительство станции и посёлка.

Поезд остановился. Вышли всего трое: Моррис, Браун и молодой спутник инженера, которого он называл Генри.

— Я должен подождать, — сказал Моррис и огляделся по сторонам. Он тут же увидел, кого искал.

— Длинное Копьё! Ты здесь? — Художник приветствовал аккуратно одетого индейца с красивой цепочкой на шее.

— Мой белый брат, Далеко Летающая Птица, Волшебная Рука просил меня привести

двух коней и вьючных лошадей. И я здесь. Я жду.

— Ты меня ждёшь, мой дорогой верный друг! Ты уже подыскал для меня и квартиру?

Индеец привёл их в деревянный барак, который служил гостиницей.

Они вошли в холл, разнесли по номерам вещи и решили все вместе отправиться перекусить.

Индеец привёл их в другой барак, служивший рестораном. Убогий оркестр играл что-то заунывное, танцовщица под села к музыкантам, приготовляясь продемонстрировать своё искусство. Моррис сел и по привычке стал озираться, пытаясь обнаружить интересные характеры, типы. Но в этом неприятном, обшитом рассохшимися досками помещении среди облаков дыма он не различил ни одного лица, ни одной фигуры, которая вызвала бы интерес. Многие из посетителей были уже пьяны, где-то о чём-то спорили, кто-то пытался танцевать.

— Хэлло! — окликнул Браун, разглядев хозяйку и узнав в ней Дези.

— Ха-а! Джо! Снова здесь! Бренди?

— Да, бренди, — сказал Браун. — Для нас троих и для себя, поняла?

Пока выполнялся заказ, Генри позаботился о стуле, и девушка под села к ним.

— Что делает Тейлор? — поинтересовался Браун.

— Тейлор? — переспросила Дези. — Тейлор-первый, которого ты знал, удрал. Уже несколько месяцев у нас началь-

ником лагеря Тейлор-второй, с курчавой шевелюрой, — и девушка хихикнула.

— Ну а что нового?

— Шарлемань исчез вскоре после прощального вечера. Блондин, ты помнишь его, Джо, тот блондин, что во время забастовки оказался с ружьем, тоже скоро исчез. Однажды ночью его арестовали, но, прежде чем пришёл поезд, на котором его должны были отправить, он сбежал.

— Ну, а Топ и Гарри здесь? — продолжал расспрашивать инженер. — Или теперь уже всё спокойно?

— Оба они здесь, но я что-то думаю: не из-за них ли у нас такая беспокойная жизнь?

— Ну-ну!

— О старшем, о Топе, ничего плохого не скажешь. Если он и пьёт иногда, то платит лучше, чем некоторые господа.

— Ну а кто же вносит в нашу жизнь беспокойство? — не отставал Джо Браун.

— Кто, кто? Да Гарри! Ведь это он вместе с цыганами устроил побег блондина. И об этом говорят все, правда... никто не может доказать.

— Гарри теперь уже должно быть девятнадцать лет, — тихо сказал Моррис.

— Да, да, девятнадцать! Смех и слёзы! Как вас зовут-то? Моррис?

Художник кивнул и сунул под столом ей в руку золотую монетку. Дези считала это вполне справедливым, ведь не может же она даром терять время.

Вскоре трое прибывших по-

кинули холл. На улице между тем поднялась буря, клубилась пыль. Полотнища палаток громко хлопали.

Генри поднял голову:

— Послушайте.

Все трое прислушались и отчётливо услышали то, что привлекло внимание Генри: кто-то приближался на бешеном галопе. Без причины так никто не погонит коня.

Всадник пронёсся к маленькому домику, который занимал начальник лагеря. Это был индеец. Не дав коню остановиться, он соскочил с него и поспешил в дом.

Джо, Моррис и Генри подошли ближе. Конь всадника тяжело дышал. Он был по индейскому обычаю занузdan за нижнюю челюсть, и вместо седла на нём была бизонья шкура.

— Хоть сейчас и ночь, но мне кажется, что я узнаю коня, — сказал Моррис.

— Я его тоже знаю, — отозвался Генри.

— И я, — подтвердил Браун. — Это Серый, конь Гарри.

Они подошли к двери домика. Пронзительный, злой и настойчивый голос доносился изнутри.

Браун открыл дверь, и в маленькое помещение вместе с ним ворвался ветер. Пламя керосиновой лампы затрепыхалось. Начальник лагеря колотил по столу кулаком. Жилы на его висках вздулись, лоб покраснел, капельки пота поблёскивали у самых корней курчавых волос. Перед ним стоял стройный индеец почти

двухметрового роста. При слабом свете лампы его коричневая кожа казалась темнее обычного. Чёрные волосы были расчёсаны на пробор и собраны в две косы, спадающие на плечи. Кожа змеи служила налобной повязкой. У него не было перьев в волосах, не было цепочки, не было вообще никаких знаков побед или отличий, кроме скальпов вдоль боковых швов его кожаных леггин. Верхняя часть туловища юноши была обнажена. За поясом — револьвер, томагавк и нож.

— Джо Браун, инженер, — представился вошедший начальнику лагеря. Одновременно, бросив взгляд на индейца, он чуть прищурился, показывая, что узнал его.

Начальник лагеря смолк на полуслове, да так и застыл с открытым ртом.

— Браун, инженер, — повторил Джо.

— Как вы вошли сюда?

— Если позволите, через дверь.

— Ничего я не позволял. Что получится, если каждый будет поступать, как он захочет. Мы не в конгрессе, а в прериях на «Юнион Пасифик». Остановить поезд!!! Да что вы все, с ума посходили? Садись на коня, сумасшедший индеец, и марш галопом! Поезд должен продолжать путь.

— Я не поеду назад.

— Чтоб тебя чёрт побрал!.. Я пошлю другого!

Начальник лагеря вытер пот со лба и хотел выйти. Индеец встал на его пути.

— Белый человек должен...
— Белый человек ничего тебе не должен, ты, необразованный чурбан! Кто здесь командует, ты или я?!

— Сегодня — я, — индеец произнёс это тихо, спокойно, со скрытой издёвкой, что привело в ещё большее бешенство начальника лагеря.

— Прочь с дороги! Меня здесь держать силой!.. Поезд останавливать!.. Проклятый краснокожий!

Браун решительно выступил вперёд и встал между взбешённым белым и индейцем.

— Прежде всего спокойствие, прошу вас, — он повернулся к Харке. — Гарри, ты знаешь меня. Скажи, это ты остановил поезд? Почему?

— Мой отец поставил факел на железнодорожном пути, чтобы остановить поезд, так как бизоны и дакоты приближаются к дороге. Бизоны преградят путь поезду по крайней мере на всю ночь. Лучше, если поезд не будет двигаться.

Начальник лагеря даже простонал.

— Это же сумасшествие! Бизоны могут остановить поезд! Невозможно!..

Браун нетерпеливым жестом прервал начальника.

— В этом случае поезд должен быть остановлен. Это необходимо! Вы, вероятно, никогда не видели стада бизонов, — твёрдо сказал инженер, затем повернулся к индейцу: — Гарри, куда идут дакоты?

— Они идут к нашему лагерю.

— Откуда?

— Со всех сторон.

— Отец остался у поезда?

— Хау.

Инженер повернулся к начальнику лагеря:

— Руководство и ответственность беру на себя. Я Джо Браун! Надеюсь, мое имя вам знакомо! Дайте общую тревогу!

Гарри поднял руку.

— Что, Гарри? — спросил инженер.

— Есть еще время подумывать.

Браун с недоумением взглянул на индейца:

— Говори яснее.

— Пусть музыка играет и девчонки танцуют. Нужно собрать надёжных мужчин. Нужно подготовиться отразить нападение. Плохо, если они из темноты будут стрелять по нашим освещённым баракам. Пусть дакоты лучше ворвутся в лагерь, а мы их окружим. Мы тогда справимся с ними быстрее, и если будет нужно, окажем помощь поезду.

— А есть ли люди, на которых можно положиться?

— Хау. Немного... но есть.

— Соберешь их?

— Хау.

— Я пойду в зал, где пьют и танцуют и где наверняка может быть стычка. Ты согласен? А если будет время, мы ещё раз встретимся.

— Хау.

— А я! — заорал начальник лагеря. — Браун! Вы перешли границы! Что делать мне?

— А вы погасите сейчас керосиновую лампу и будете си-

деть в темноте. Гарри пришлёт к вам двух крепких парней.

— Следует ждать зажигательных стрел,—сказал Гарри.

— Тогда вот что,—сказал Браун,—идите к колодцам и наполняйте бочки. В крайнем случае заливайте огонь пивом.

Начальник лагеря шлёпнулся на свой стул и стал проверять, заряжен ли револьвер.

Браун в двух словах рассказал Генри и художнику о положении дел. Моррис спросил:

— У меня есть тотемный знак великого вождя дакотов, я под его защитой. Нельзя ли его использовать, прежде чем прольётся кровь?

Молодой разведчик, услышав это, хотел что-то сказать, но Браун вмешался:

— Гарри, для разговоров у нас нет времени, ты сам сказал, что дакоты идут со всех сторон. Возможно, отразив нападение, нам удастся с ними поговорить. И если они поймут, что мы не хотим мешать им охотиться, может быть, они оставят в покое мою дорогу.

— Я с Длинным Копьём пойду к одному из колодцев,—сказал художник.— Мы подготовим там хоть несколько бочек, но стрелять я в дакотов не буду, это противоречит моим дружеским отношениям с ними.

— Делайте, как хотите,—огрызнулся Браун.— Во всяком случае я побеспокоюсь, чтобы все наши люди имели оружие.

Браун сделал Гарри знак действовать как договорились, и индеец исчез в темноте среди палаток и бараков.

Слух о предстоящей схватке

распространился по лагерю с быстротой огня. Тревогу и суматоху остановить было уже тяжело. Джо еле втолковал скрипачу, что надо продолжать играть. Несколько пар продолжали танцевать.

Джо Браун и Харка встретились ещё раз. Харка сообщил, что он собрал около двадцати человек.

— Маловато,—сказал Браун,—а сколько дакотов могут напасть?

— Не меньше сотни.—Харка говорил очень тихо.— Я хочу пойти на хитрость. У меня есть военный свисток. Я проникну в ряды нападающих. Ночью дакоты не отличат меня от своих воинов, и я попробую их обмануть. Я дам свистком сигнал к наступлению раньше, чем нужно, а когда они ворвутся в лагерь, дам сигнал отступить.

— Удастся ли?.. Впрочем, ты ставишь на карту свою жизнь. Попытка не повредит. Харка исчез.

У самого большого колодца, рядом с гостиничным баракom, находились Моррис, Генри, Длинное Копьё и присланные им на помощь трое мужчин. Они уже наполнили водой бочки и теперь спрятались в стороне так, что им хорошо были видны ближайшие бараки и палатки. Они слышали игру скрипача, громкие вопли пьяниц.

Но вот Длинное Копьё, у которого зрение и слух были лучше, чем у других, насторожился:

— Они приближаются...

Зловещий свист прорезал воздух, и тотчас же вспыхнула на крыше барака зажигательная стрела. В тот же момент севернее лагеря раздался свисток и сильный голос издал военный клич дакотов:

— Хи-юп-юп-хийя!

Первый ожесточённый натиск врага с севера, по-види-

мому, имел успех. Несколько призрачных фигур показалось из темноты. Нападающие бросились к колодцу и к большому барaku. Их вожак вырвался вперёд. Генри и трое стоящих рядом с ним выстрелили. Вожак упал на землю и перекувырнулся. Бегущие за ним индейцы тоже упали.

— Первый ведь был Гарри... — сказал Длинное Копьё.

— Они убили его!

Шайен, однако, разглядел, что Гарри поднялся и, догнав группу нападающих, вместе с ними оказался у барака, где только что смолкла музыка.

Когда дакоты ворвались в барак, там завязалась невероятнейшая схватка, казалось, что от воплей и криков обрушатся стены. Крыша барака ярко вспыхнула.

— Гасить! — крикнул Генри.

Он уже хотел схватить ведро, как у колодца появился новый враг — индеец с томагавком в руке. В его волосах были орлиные перья. Удар — и Генри упал.

Моррис увидел занесённый над его головой топор.

— Тазунка Витко. Я — Волшебная Рука! Перед тобой твой белый брат!

Томагавк замер и тут же полетел в спину одного из убегающих защитников лагеря.

В бараке борьба была в разгаре. Браун видел, как дакоты, открыв дверь, хлынули, словно вода, прорвавшая плотину. Он узнал и Гарри, который, вёл их. При свете ламп индейцы поняли, что их мнимый вождь — их враг: Харка был единственным, у кого не было военной раскраски на лице.

Харка развернулся и ударил стоящего позади него дакоту ножом.

— Койот и предатель! — закричали индейцы и бросились к нему. На индейцев навалились белые. Дакоты, не имею-

щие огнестрельного оружия, в тесной схватке не могли применить стрел. Блеснули ножи, взметнулись палицы, но раздалась выстрелы, и они стали отходить. С крыши начала сыпаться горящая щепка.

Снаружи раздался свисток к отступлению, и Джо Браун теперь уже сам не знал: настоящий это сигнал или фальшивый? Успел ли покинуть барак Гарри? Индейцы, услышав сигнал отступления, бросились к дверям, но их встретили там выстрелами подоспевшие отчаянные парни, собранные Гарри. Дошчатые стены не выдержали и рухнули, пылающая крыша упала на сражающихся.

Моррис хотел было с Длинным Копьём тушить пожар, но это оказалось совершенно невозможно из-за непрерывной стрельбы и суматохи. Оба склонились над Генри. Он был жив, удар пришёлся боковой стороной томагавка. Но тут прямо над головой полетели пули. Моррису и Длинному Копью пришлось лечь на землю. Они услышали громкий голос Джо Брауна, который перекрывал адский шум, услышали они и второй голос — голос индейца, отдающего приказания.

— Тазунка Витко, — шепнул Длинное Копьё Моррису и стал переводить содержание приказа, — он хочет получить Гарри живого или мёртвого, он вызывает его на единоборство, он приказывает своим воинам схватить Гарри и только после этого отступать.

Дакотов оттесняли. В ход пошли горящие доски, продолжали раздаваться выстрелы, но шум борьбы постепенно удалялся от лагеря. Наконец наступила тишина. Моррис вздохнул с облегчением: он не понимал и ненавидел убийства.

У колодца показался Джо Браун. Он был весь в крови и жадно стал пить воду прямо из бочки.

— Что с Генри? — спросил он.

— Удар по голове, но жив.

Джо от усталости свалился на землю, но уже через несколько секунд вскочил и принялся сзывать борющихся в разных местах людей. Наиболее отважные уже готовы были вскочить на коней и спешить на помощь поезду, который тоже мог подвергнуться нападению.

Браун снова подошёл к колодцу.

— Не видел ли кто-нибудь Гарри? — крикнул он в темноту.

— Вначале... — начал кто-то.

— Я спрашиваю — сейчас, — нетерпеливо прервал Джо Браун.

— Не видели.

— Куда он запропастился? Среди убитых его нет.

— Может быть, попал в плен?..

— Такой не попадёт. Он отлично знает, что ему там конец. — Джо Браун отошёл, и Моррис с Длинным Копьём услышали, как отряд всадников помчался на помощь поезду.

Не исключалось, что враг, отступивший в прерию, мог снова совершить нападение, поэтому большинство оставшихся в лагере старались сохранять тишину и держались по возможности за прикрытиями. Но Моррис и Длинное Копьё поднялись и направились к раненым.

В развалинах барака Моррис обнаружил трупы белой женщины и четырёх индейцев. Рядом лежал ещё один раненый индеец. Моррис хотел ему помочь, но раненый неожиданно начал сопротивляться. А тут ещё на Морриса из темноты уставилась какая-то страшная рожа. Художник попятился назад. Он даже подумал, что это — результат его воображения. Но, оглянувшись, увидел, что фигура со страшной рожей вместо лица наклонилась над раненым. Рядом с ней появился индеец. А через минуту они вместе с раненым исчезли. Моррис не мог понять, куда и как?

Он окликнул Длинное Копьё, и они вместе решили ещё раз осмотреть развалины. Ни раненого, ни четырёх убитых дакотов не обнаружили.

— Да, — пробормотал Шайен, — удивительно. Но я думаю, что это и лучше, значит, у нас не будет пленных, а их всё равно бы здесь растерзали.

Пока на станции происходили эти события, служащие и пассажиры поезда тоже пережили часы беспокойства и тревоги.

Когда стемнело, резкий толчок потряс поезд, и он остановился. Человек с факелом остановил его. Пассажиры открывали окна, пытаясь увидеть что-нибудь, беспокойно переговаривались. Два кондуктора обходили поезда объясняли, что оснований для беспокойства нет: огромное стадо бизонов переходит путь. К сожалению, приходится ждать, пока животные не пройдут.

Потом все увидели зарево на востоке — там, где должна быть станция. Беспокойство усилилось. Кондукторы призывали всех, кто имеет оружие, готовиться к защите.

А поезд всё стоял и стоял. Паровоз держали под паром. Усталость овладела пассажирами, они по очереди несли вахту и спали. Зарево в районе станции потухло. Наступил рассвет.

Теперь бодрствующие пассажиры смогли как следует рассмотреть человека, остановившего поезд. Это был рослый индеец. Волосы его, в которых поблёскивали седые пряди, были заплетены в две косы. За налобную повязку из змеиной кожи были заткнуты два орлиных пера. За поясом торчали нож и револьвер. В руках — ружьё.

— Это Топ, один из лучших

разведчиков станции, — представил его кондуктор. — На него можно положиться.

В тишине послышался конский топот.

Мужчины радостными возгласами приветствовали прибывшего всадника:

— Мистер Браун! Мистер Браун!

Инженер сообщил пассажирам, что на станцию было совершено нападение.

И в это время стало доноситься глухое мощное рычание, которое становилось всё слышней и слышней.

— Бизоны! — крикнул Джо Браун. — Бизоны начали двигаться!

Мужчины схватили бинокли. Топу, который находился среди них, не было надобности прибегать к этому средству. Глаза отлично служили ему и на таком расстоянии.

— Дакоты начали охоту, — сказал Матотаупа Брауну. — Если бы на станцию не было совершено нападение, наши люди тоже могли бы поохотиться...

Подошёл начальник поезда и спросил:

— Можно ехать дальше?

— Можно, но не сразу. Когда пройдёт последний бизон, нам придётся ещё проверить пути: стадо бизонов может причинить немало вреда.

(Продолжение следует)

Перевод А. А. Девеля,
А. П. Ломана

Смелый парень

— Ты ловкий?
— Да.
— Ты смелый?
— Да.
— Пойдёшь? Не струсил?..
— А куда?
— Вон там забор... А там окно...
Как станет вечером темно,
Ты... слушай, парень... ты, как
мышь...—
Сказать бы твёрдо: «Нет! Шалишь!»
Я не хочу через забор
В окно чужое... Я — не вор!»
Но он пошёл. Но он полез:
Быть трусом что за интерес.
И был он дерзким хитрецом!
Но эта быль — с плохим концом...

— Ты ловкий?
— Да.
— Ты смелый?
— Да!
— А ты пойдёшь?..
— Смотря куда.
— Ну что ж, ответ разумен твой,
Хвала тебе и честь:
Теперь ты — парень с головой,
В которой что-то есть!

Без ужина

На улице ребята
Играли со щенком:
Они бегом куда-то —
Он сзади, коlobком.
Чудной, большеголовый,
Бежал, смешил ребят!
Он этой дружбе новой
Был очень-очень рад.

А вечером стемнело,
Ушли мальчишки спать.
(Хорошенькое дело:
Поели — и в кровать!..)
...Луна гуляет низко.
На улице мороз.
В давно пустую миску
Заглядывает пёс.
Повизгивая глухо,
Косится на окно,
А за окном — ни звука,
И свет погас давно...

Везёт нас лошадка

Везёт нас лошадка,
Лошадка, лошадка —
Ни шатко, ни валко,
Ни валко, ни шатко.
Ленивой лошадке
Мы крикнули:
«Но-о!» —
Ни валко, ни шатко
Идёт всё равно.

Ни валко, ни шатко,
Ни шатко, ни валко.
Стегнута бы
Кнутом бы
Лошадку,
Да — жалко...
Везёт нас лошадка,
Жуёт удила.
Ни валко, ни шатко.
Такие дела...

Рис. А. Курушина

В МАРТЕ 1975 года польский город Гданьск будет праздновать 30-летие своего освобождения от фашистских захватчиков. Плечом к плечу вошли в него тридцать лет назад воины Советской Армии и Войска Польского.

Сейчас один из красивейших городов Европы, большой порт на Балтийском море, польский город Гданьск — побратим Ленинграда.

Ленинградцы и жители Гданьска дружат между собой, ездят друг к другу в гости, передают свой опыт в строительстве новых кораблей, сложных машин. Часто в Ленинград приезжают гданьские ребята, вместе с ленинградскими школьниками они отдыхают в пионерских лагерях, рассказывают о том, как они учатся, чем занимаются в свободное время.

В Гданьске живёт известный польский писатель Збигнев Жакевич. Недавно он написал книгу, которая называется «Страна сто пятой тайны». Очень понравилась она польским ребятам, да и не только польским, потому что была переведена на многие языки.

Что же это за страна сто пятой тайны! Чтобы в неё попасть, нужно иметь прежде всего крепкие, не пропускающие воду ботинки, уметь очень быстро складывать и вычитать в уме, ну и, конечно, считать от одного до ста пяти и от ста пяти до одного. Да и обязательно нужно, чтобы немножко везло! Ведь для того чтобы попасть в эту страну, нужно сразу же после дождя выйти во двор, посчитать лужицы, найти сто пятую, прыгнуть, и вы окажетесь в стране сто пятой тайны, где живут очень странные животные. Всё дело в том, как найти эту сто пятую лужицу!

В книге З. Жакевича в этой стране случайно оказываются папа Збигнев, девочка Ася, ворон Ксаверий и собака-такса по имени Еримаш. Вот одна из удивительных историй, которую рассказал Еримаш...

История охоты на страшно хитрого и необычайно серебристого Серебристого Лиса

— Как вы, наверное, знаете, — начал свой рассказ Еримаш, — все лисы, какие только живут на свете, необычайно хитры. Так хитры, как хитры могут быть только лисы. Можете себе представить, каким хитрым был Серебристый Лис, раз он был не только лисом, но вдобавок ещё и серебристым, да ещё таким серебристым, как зимняя луна.

Конечно, такой Серебристый Лис становился совершенно невидимым в лунную ночь или даже в лунный день, когда светила большая луна. Так же прекрасно прятался Серебристый Лис и в зимние серебристые дни и вечера, когда на поля и деревья ложился серебристый иней. И всё бы было ничего, если бы не то, что Серебристый Лис жил в

страшно запутанных норах, в которые можно было попасть через сто двадцать ходов и выйти через сто двадцать выходов. Совершенно ясно, что норы эти Серебристый Лис рыл в Серебряной горе, то есть в такой горе, в которой добывается самое настоящее серебро.

Вот вам, пожалуйста: найдите Серебристого Лиса в серебряной норе, у которой сто двадцать выходов и сто двадцать входов и которая вырыта в Серебряной горе! — предложил нам Еримаш.

Никогда в жизни мы не смогли бы выполнить такое трудное задание!

— А между тем, не обращая внимания на трудности, нужно было поймать Серебристого Лиса, потому что Серебристый Лис, прорывая свои норы и сто двадцать выходов и входов, в конце концов докопался до Серебряной шахты, которую построили в Серебряной горе. И Серебристый Лис, вместо того чтобы честно охотиться на мышей и хомячков, страшно полюбил есть швейцарский сыр и копчёную колбасу, которую приносили себе на завтрак шахтёры. Дело доходило до того, что прожорливый Серебристый Лис умудрялся съесть все завтраки, и голодные шахтёры, вместо того чтобы добывать из горы серебро, шатаясь от голода, возвращались домой.

— Страшные вещи делал этот Серебристый Лис, — возмутились мы, представив себе шатающихся от голода шахтёров.

— А что ты сделал, чтобы спасти шахтёров от голодной смерти?

— Хм, — сказал Еримаш, — дело было непростое. Чтобы поймать Серебристого Лиса в серебряной норе, нужно было, конечно, иметь очень крепкие стальные когти.

— Стальные когти?

— Конечно, стальные! Только стальными когтями можно рыть ходы в Серебряной горе и копать глубокие ямы.

— Так у Серебристого Лиса были стальные когти?

— Ну, конечно, — подтвердил

Еримаш, великодушно прощая нам нашу недогадливость. — У Серебристого Лиса были стальные когти, как, впрочем, и у всех серебристых лисов. Вот почему, когда меня попросили, чтобы я поймал Серебристого Лиса, первое, что я сделал, — это отправился к кузнецу и велел себе выковать прекрасные стальные когти. Когда стальные когти были готовы, я побежал к Серебряной горе и залаял: «Гав, гав, гав! Врр, врр, врр!»

Серебристый Лис, услышав вонный клич всех такс на свете, понятное дело, страшно испугался и начал рыть в Серебряной горе новый, сто двадцать первый выход. А я только этого и ждал. Как вы знаете, у меня прекрасный слух, и я тут же уловил, где этот Серебристый Лис роет сто двадцать первый выход.

— Ну и что тогда?

— Тогда я начал рыть сто двадцать первый вход, который вёл к сто двадцать первому выходу, где работал Серебристый Лис. Я рыл с необыкновенной скоростью. Не прошло и секунд, как я докопался сто двадцать первым ходом до сто двадцать первого выхода.

И в этом сто двадцать первом выходе я обнаружил тонкий, очень-очень длинный и очень серебристый хвост Серебристого Лиса...

— Тонкий, очень длинный и очень серебристый хвост Серебристого

Лиса? — повторили мы, удивлённые тем, что у Серебристого Лиса мог быть такой странный хвост.

— Вы, вероятно, ошеломлены и удивлены тем, что у Серебристого Лиса был тонкий и очень длинный хвост? И я тоже был ошеломлён и удивлён. Я был готов к тому, что у Серебристого Лиса будет толстый и пушистый хвост. И как же я был удивлён и одновременно перепуган (что чрезвычайно редко бывает у такс на охоте), когда, схватив зубами за очень длинный и очень тонкий хвост Серебристого Лиса, я почувствовал, что кто-то также хватается за хвост и меня!

— Какой ужас! — воскликнул ворон Ксаверий, который хорошо знал, что такое быть схваченным за хвост.

— Тогда я ещё крепче сжал серебристый хвост Серебристого Лиса и снова почувствовал, что кто-то ещё крепче сжимает мой хвост. Ну и, понятно, я стал убежать, всё ещё держа в зубах хвост Серебристого Лиса. Но этот таинственный кто-то не выпускал мой хвост из зубов и нёсся так же быстро, как и я. Так я бежал, наверное, с час, не в силах ни догнать Серебристого Лиса, ни освободиться от этого неизвестного врага, который держал меня за хвост...

— Неужели у лиса, даже если это Серебристый Лис, может быть такой длинный хвост, — бежишь, бежишь вперёд, а его начала так и не видно! — воскликнули мы, чрезвычайно удивлённые тем, что хвост Серебристого Лиса такой длинный.

— Я тоже задал себе этот вопрос. Я бегал уже второй час и тут вдруг заметил, что бегу всё время по одним и тем же коридорам и всё время держу в зубах один и тот же хвост, а мой хвост находится в зубах неизвестного врага... Да, тогда я понял, что держу в зубах... свой собственный хвост!

— Как же это могло случиться?

— Я ведь говорил, — сказал Еримаш, — что Серебристый Лис был страшно хитрым лисом. Он вырыл такие хитрые коридоры, в которых

такие длинные таксы, как я, хватались за собственные хвосты. А поскольку каждый, кто попадал в коридоры, вырытые в Серебряной горе, серебрился от серебряных стен, так и мой хвост стал серебристым, почти как у Серебристого Лиса. Это-то, должен признаться, и ввело меня в заблуждение.

— Действительно, Серебристый Лис был страшно хитрым лисом. Я только не понимаю, как ты мог увидеть цвет хвоста? Ведь в норах темно? — заинтересовалась Ася.

— Раз ты никогда не была в норе, откуда ты можешь знать, темно там или светло! Даже в самой тёмной норе настолько светло, что можно увидеть хвост лиса. А кроме того, коридоры в Серебряной горе не были такими уж тёмными, потому что, как известно, серебро всегда серебрится и светится!

— Прости меня, пожалуйста, Еримаш, — виновато сказала Ася. — Ты прав, я никогда не была в норе, и уж, конечно, я не могла быть в серебряной норе, вырытой Серебристым Лисом в Серебряной горе.

— Что же делают охотничьи собаки, когда их добыча убегает? — продолжал свой рассказ переставший сердиться Еримаш. — Конечно же, начинают искать след и ищут его до тех пор, пока наконец не найдут. Вот я и начал идти по следу Серебристого Лиса, следуя за лисьим запахом. Я преследовал Лиса весь день и всю ночь, потому что нелегко было разыскать его в норе, в которой было сто двадцать выходов и сто двадцать входов, не считая ещё одного входа и ещё одного выхода, которые появились во время моей охоты...

К сожалению, чем дальше я его преследовал, тем труднее было это делать, потому что в норе вместо лисьего запаха стоял приятный запах охотничьих собак. Мне уже стало казаться, что из моей охоты ничего не выйдет, как, к счастью, я вспомнил, что пришло время завтракать, а Серебристый Лис, убегая от меня и придумывая хитрые лисьи штучки, наверняка проголо-

дался. А проголодавшись, он подберётся к швейцарским сырам и копчёной колбасе, которую принесли шахтёры, работающие в Серебряной шахте. И я постарался поскорее добраться по лисьим норам до Серебряной шахты. Но было уже поздно!

Из глубины Серебряной шахты выходили, шатаясь от голода, исхудалые шахтёры. Прожорливый Серебристый Лис и в этот раз до последней крошки съел весь швейцарский сыр и всю копчёную колбасу! Я велел немедленно закрыть все выходы из шахты вместе с лисьей лазейкой, которая вела в лисьи норы, а сам спрятался возле главного выхода, через который на по-

верхность выходили шатающиеся от голода шахтёры. И вот, когда последний шатающийся от голода шахтёр покидал Серебряную шахту, я увидел на его шее...

— Что ты увидел?

— Я увидел на его шее красиво свернувшегося и держащего в зубах красивый серебристый хвост... Серебристого Лиса! И прежде чем я успел схватить Серебристого Лиса, последний шахтёр сел в подъёмник и с Серебристым Лисом на шее выехал наверх! Я тут же вскочил в следующий подъёмник и сразу же поднялся. Слишком поздно! У шатающегося от голода шахтёра, который был последним, покидаю-

щим Серебряную шахту, на шее уже не было Серебристого Лиса.

— И тогда-то началась настоящая охота, правда, Еримаш?

— Не совсем, — сказал задумавшийся на минутку Еримаш, — хотя я и мог воспользоваться своим прекрасным носом, который, как вы знаете, в состоянии вынюхать любой запах, но я не мог использовать своё прекрасное зрение...

— Но почему?

— По той простой причине, что как раз на небе сияла огромная луна, и хотя светило солнце, но из-за огромной луны был лунный день. И понятно, что во время лунного дня Серебристый Лис стал невидимым Лисом. В таком положении оставался лишь один выход, — добавил Еримаш, задумавшись ещё на одну минутку, — нужно было использовать хитрости! Ведь именно благодаря хитрости мне удалось поймать зимнего льва и тигра, а также белого медведя.

— Ты, наверное, должен был использовать какую-нибудь необыкновенную хитрость, чтобы поймать такого необыкновенного хитрого лиса? — заинтересовалась Ася.

— Вовсе нет! Вся хитрость была в том, чтобы не быть слишком хитрым, потому что страшно хитрый лис, как вы, наверное, успели заметить, прекрасно находил выходы из самых трудных положений. Для этого он и был страшно хитрым лисом, чтобы разгадать самую большую хитрость. И поэтому мой замысел был необыкновенно простым... — сказал Еримаш и задумался в третий раз уже надолго.

— Говори скорей, какую же необыкновенно простую хитрость ты придумал? — стали мы торопить Еримаша.

— Ох, — вздохнул Еримаш, — когда я вспоминаю мою необыкновенно простую хитрость, у меня льётся ручьём слюна, а сердце рвётся на части...

— Хитрость моя была такой... — начал он через минуту, решив, видимо, не расстраиваться при воспоминании о необыкновенно простой

хитрости. — Я попросил, чтобы мне дали побольше копчёной колбасы. Затем я съел её сколько мог, а остатками велел натереть себя от кончика хвоста по самый кончик носа.

— Представляю, какой ты стал прекрасной копчёной колбасой! — воскликнул я, представив себе «краковскую» и тонкие ароматные охотничьи колбаски.

— Именно на этом и была основана моя необыкновенно простая хитрость: наполнив живот колбасой и натеревшись колбасой, я лёг в центре серебристого луга и, взяв в зубы конец хвоста, стал делать вид, что я копчёная колбаса. Понятно, что, будучи самой длинной в мире таксой, я мог изображать из себя не только самую длинную в мире копчёную колбасу, — добавил с гордостью Еримаш, облизываясь при воспоминании о самой длинной в мире копчёной колбасе.

Не прошло и часа, как страшно хитрый и необыкновенно серебристый Серебристый Лис оказался на серебристом лугу, чтобы полако-

миться своей любимой копчёной колбасой. Тут уж мне не оставалось ничего иного, как только поймать его. Что я и сделал, получив за это в награду огромную, как Серебряная гора, гору копчёной колбасы.

Так закончил свой рассказ Еримаш.

З. ЖАКЕВИЧ

Перевёл с польского Е. НЕВЯКИН.

Рис. Г. Ясинского

«Ш а й б у!»

(К фотографиям на 3-й странице обложки)

ТАКОЙ популярный спорт, как хоккей с шайбой, появился в нашей стране сравнительно недавно: в конце сороковых годов. Ещё двадцать с лишним лет назад мало кто из мальчишек по-настоящему слышал о нём. И, конечно, по сравнению с футболом в то время хоккей был просто незаметен. Но вот советская хоккейная команда выходит на мировую арену и, побеждая мощные команды Канады, Швеции и Чехословакии, многократно становится чемпионом мира. Это был настоящий триумф советского спорта. Хоккей год от года становится всё более популярным и сейчас в массовости не уступает футболу. Имена известных хоккеистов, так же как и имена футболистов, известны каждому. О Боброве, Майоровых, Старшинове, Мальцеве, Третьяке и других каждый расскажет целую историю.

И так же, как и футболу, хоккею посвящено много песен. Кто не знает слова «В хоккей играют настоящие мужчины!..» Действительно, это очень мужественный спорт. Здесь нужны сила, мгновенная реакция, скорость, смелость и настоящая воля к победе.

В нашей стране стали традиционными соревнования на приз «Золотая шайба». В них участвуют тысячи и тысячи детских хоккейных команд. В прошлом году приз завоевали ребята нашего города. А в Ленинграде проводятся соревнования на приз газеты «Ленинские искры». Сейчас этот приз у детской команды СКА. В марте этого года как раз будут вновь проводиться соревнования на приз газеты «Ленинские искры».

И в марте же состоится чемпионат мира по хоккею с шайбой. Перед советской сборной стоит труднейшая задача — отстоять почётный титул чемпиона мира. И будем надеяться, что взрослые оправдают наши надежды: в двенадцатый раз станут чемпионами.

Удачи им!

(На фотографиях нашего корреспондента К. Янушко вы видите момент игры на приз газеты «Ленинские искры»).

САМЫЙ первый в России боевой орден — орден Андрея Первозванного — был учреждён Петром I, а самым первым кавалером этого ордена стал в 1699 году адмирал Головин, отличившийся в бою со шведами.

САМЫЙ первый устав русского воина был издан Петром I в 1716 году. Это так называемый «Артикул воинский с кратким толкованием», содержащий текст присяги и 209 пунктов с толкованием основ строевой и военной дисциплины.

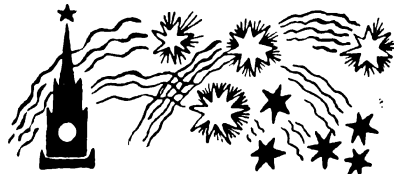
САМЫЕ первые пушки на Руси появились в конце XIV века. Стреляли эти пушки десятипудовыми ядрами диаметром около 40 сантиметров. Дальность стрельбы составляла 200—250 метров.

САМЫМ первым боевым орденом молодой республики Советов был орден Красного Знамени РСФСР, учреждённый 16 сентября 1918 года. Орденом награждались воины, части и соединения Красной Армии за особые отличия в боях с белогвардейцами и иностранными интервентами. Первым воином, получившим эту награду, был В. И. Блюхер, впоследствии знаменитый Маршал Советского Союза.

САМЫЕ первые гвардейские полки в России были созданы в конце XVII века Петром I. Гвардия нового типа — советская гвардия — была рождена осенью 1941 года в ожесточённых боях под Москвой, когда четыре стрелковые дивизии — 100, 127, 153 и 161-я за мужество, воинское мастерство и высокую дисциплину были переименованы в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские дивизии.

САМЫЙ первый салют в истории Великой Отечественной войны прозвучал в Москве 5 августа 1943 года. Родина салютовала в этот день советским войскам, освободившим от фашистских захватчиков города Орёл и Белгород. Салют был произведён 12 залпами из 124 орудий.

САМЫЙ же последний и самый торжественный из 353 салютов Великой Отечественной войны прозвучал в Москве в День Победы 9 мая 1945 года. Этот салют выполнялся 30 залпами из 1000 орудий!

САМЫЕ первые русские боевые ракеты были созданы героем Отечественной войны 1812 года генералом А. Д. Засядко. Они были успешно применены при осаде крепостей Варна, Шумла и Браилово во время русско-турецкой войны 1828—1829 годов.

САМЫЙ первый воздушный таран из советских лётчиков совершил младший лейтенант Пётр Харитонов. 28 июня 1941 года на Ленинградском фронте Харитонов сбил тараном немецкий бомбардировщик, оставшись при этом живым и посадив свой повреждённый самолёт на родной аэродром.

ОВОЩИ НА КОНВЕЙЕРЕ!

В городе Осака (Япония) спроектирована автоматическая фабрика по выращиванию овощей. Она состоит из нескольких залов. Семена высаживаются в грунт, помещённый в специальные корзины. По мере развития растений корзины перемещаются по конвейеру из зала в зал, где поддерживаются определённая температура, световой и атмосферный режим с помощью счётно-вычислительных машин. Растения подкармливаются жидкими удобрениями.

Как показали подсчёты, за год на фабрике можно получить до 17 урожаев.

341 ДЕНЬ И 12 ЧАСОВ — В ОКЕАНЕ

К. Барановскому — 35 лет, он отличный спортсмен, перед путешествием основательно изучил радио и кулинарное дело. Он восьмью человек, который совершил кругосветное плавание на паруснике в одиночку. Польский морепроходец мечтает ещё раз совершить такое путешествие, но теперь уже вместе с женой.

ГОСТЬ С УКРАИНЫ

В Хабаровске, в доме № 7 по улице Серышева, в квартире № 29, появился гость — сизый голубь, прилетевший с... Украины. (Он был окольцован.)

**ДУШ
В... ЧЕМОДАНЕ!**

На заводе низковольтной электроаппаратуры (Башкирская АССР) приступили к производству аппарата «Здоровье». Так назван переносной тепловой душ, спроектированный работниками института ВНИИ «Электроаппарат».

...самый старый в столице ГДР Берлине человек по профессии печник Иоганнес Ангер! Ему исполнилось 102 года. Свою последнюю печь он сложил, когда ему было 80 лет. Рецепт своего долгожительства он формулирует кратко — регулярно заниматься спортом и как можно больше ходить пешком.

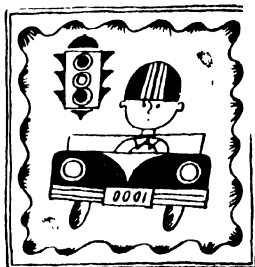
... на юго-западе Бразилии в труднодоступном горном районе Паресис обнаружено до сих пор неизвестное племя индейцев! Племя насчитывает около тысячи человек. Оно полностью отрезано от внешнего мира неприступными горными хребтами и глубокими ущельями.

...34-летний электрик Пьер Ани предпринял попытку совершить полёт на воздушном змее собственной конструкции с 600-метровой скалы близ Гренобля [Франция]! Из-за неисправности в конструкции воздушный змей ударился о край скалы. Сложную спасательную операцию пришлось провести, чтобы выволочь неудачливого воздухоплавателя.

...впервые в стране на Новосибирском заводе электроагрегатов изготовлен опытный образец детского электромобиля! Вес его около 8 килограммов, грузоподъемность — более 50 килограммов. Электромобиль имеет две скорости. Это будет не только игрушка для малышей. Новосибирцы совместно с Госавтоинспекцией планируют создать автогородок, где ребята познакомятся с правилами дорожного движения и научатся водить автомобиль.

...экипаж вертолёта перуанских ВВС, потерпевшего катастрофу над амазонскими тропическими лесами — сельвой, который все считали погибшим, жив! Эта радостная весть пришла из небольшого затерянного в сельве поселка Эль-Милагро. 13 дней пробывали пострадавшие через сельву. Они шли вдоль одного из притоков Амазонки, надеясь выйти к реке — единственному месту, где была вероятность встретить людей. Изможденные, обросшие и оборванные, распухшие от укусов бесчисленных тропических насекомых, они, наконец, добрались до Эль-Милагро. Сейчас потерпевшие находятся под наблюдением врачей в перуанской больнице.

...в Таджикистане, за тысячи километров от морских побережий, можно собрать ожерелье из... зубов акул! В юго-западных отрогах Гиссарского хребта, в молодых третичных отложениях геологи обнаружили удивительные «клады» зубов, принадлежащих вымершим гигантским акулам. Миллионы лет назад они обитали в тёплом море Тетис, скрывавшем большую часть нынешнего Памира. Зубы и сейчас не потеряли своих «боевых качеств». Они остры, как бритва, и крепки, как сталь.

...в селе Кулешовке Недригайловского района Сумской области установлен чугунный памятник мамонту, первый в мире! В прошлом столетии здесь были найдены следы гигантов. Недавно в этих местах строители вновь натолкнулись на огромные кости на глубине двух метров. Специалисты определили, что это останки мамонта.

...в нашем городе специалисты создали портативный ручной опылитель растений! Стальная «пчела», весящая 400 граммов, напоминает авторучку увеличенных размеров. Она предназначена для оплодотворения теплиц и цветочных оранжерей, куда нет свободного доступа живым пчёлам. В ходе испытаний специалисты убедились, что механизм опыляет растения в несколько раз быстрее пчелы. Пчела, верная союзница земледельцев, приобрела конкурента.

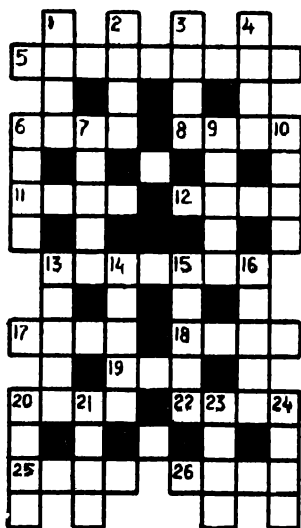

...некоторые виды рыб способны «кашлять»! Это прежде всего форель, сом, гальяны. У них, как и у человека, «кашель» служит для «очистки» жабр от оседающих на них веществ, содержащихся в воде. В ходе опытов установлено, что увеличение концентрации в воде меди или ртути влечёт учащение «кашля» рыб, сказывается на их жизнедеятельности, приводит к замедлению их роста и размножения.

...колбасу делают из... рыбы! Такие опыты производят гданьские специалисты рыбной промышленности Польши.

По горизонтали. 5. Различной формы куски благородных металлов. 6. Четвероногие домашние сельскохозяйственные животные. 8. Напиток. 11. Небольшое созвездие северного полушария неба. 12. Общее название одежды для головы. 13. Укрупненный унифицированный узел машин, самостоятельно выполняющий отдельные функции. 17. В стихосложении звуковой повтор, расположенный в конце одного речевого ряда и в начале следующего. 18. Направление мысленно проведенной прямой линии от наблюдателя на любую точку окружности горизонта и угол между направлением любой из этих линий. 10. Клинохвостый попугай. 20. Устройство для стока воды. 22. Группа

специалистов, назначенных для присуждения премий и наград на конкурсах. 25. Персонаж драматического произведения, изображаемый на сцене актером. 26. Французский живописец XIX века.

По вертикали. 1. Место стоянки транспортных средств. 2. Сооружение, прокладывающее путь над препятствиями (реки, овраги, ущелья, дороги). 3. Войсковая часть с самостоятельным управлением и хозяйством. 4. Окись водорода. 6. Пищевой продукт из посоленного свиного жира. 7. Часть антициклона, вытянутая в сторону от его центра. 9. Сходная с плотвой рыба семейства карповых. 10. Химический элемент системы Менделеева. 13. Масло для смазки автомобильных и тракторных двигателей. 14. Отделившийся от главного русла водяной проток. 15. Здание для хранения и ремонта подвижного состава автомобильного транспорта. 16. Качество звука, по которому различаются тоны одной и той же высоты. 20. Женская одежда в Индии. 21. Острая вышка, шпиль здания. 23. Изображение событий, человеческих недостатков и слабостей в комическом, смешном виде. 24. Результат сложения сумм, конец.

ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Все рисунки, за исключением одного, объединены каким-то общим признаком и составляют ряд, подчиненный определенной закономерности. Попробуйте обнаружить этот признак и определите, какой из рисунков лишний.

БУКВЕННАЯ ЗАДАЧА

БЕР — БЕР — ЛО — НЕТ

Замените черточки слогами так, чтобы каждый найденный слог был концом одного и началом следующего слова. Получится цепочка из шести слов, соединённых общими слогами.

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 12]

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Багор. 6. Покос. 9. Марабу. 10. Сорока. 11. Кио. 12. Роба. 14. Тисс. 16. Ворс. 19. Пядь. 22. Три. 24. Плотва. 5. Окорок. 26. Анион. 27. Слега.

По вертикали. 1. Канал. 2. Тобаго. 3. Вопрос. 4. Горка. 7. Мука. 8. Осот. 13. Бор. 15. Имя. 17. Остров. 18. Стан. 19. Пион. 20. Джоуль. 21. Глина. 23. Конго.

ПО ДВЕ БУКВЫ

Без осанки и конь — корова.

Учёному везде дорога.

ХИТРЫЙ РЕБУС

Полоз = Пол 0 + 3.

ВЕСЁЛАЯ ГЕОГРАФИЯ

1. Сок. 2. Ток. 3. Кобра и Уж. 4. Таз. 5. Нора.

Содержание

Звезда у дороги. Стихотворение	
Макса Дахие	1
Живи, солдат! Повесть Р. Погодина	2
Аккуратный человек. Стихотворение Игоря Пояркова . .	18
Сыны полков. Очерк Георгия Кривича и Захара Хайтина	19
Мосты великого мужества. Очерк Эд. Аренина . . .	29
Истребители. Стихотворение Сергея Каширина	36
Вампум Оцеолы. Продолжение повести Лизелотты Вельскопф-Генрих	37
Смелый парень. Без ужина. Везёт нас лошадка. Стихи А. Шибаева	54
История охоты на страшно хитрого и необычайно серебрястого Серебристого Лиса. .	
Сказка З. Жакевича	55
Самое, самое, самое	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . .	63

На 1-й странице обложки: «Мы красные кавалеристы...» Рисунок П. Вискова.

На 2-й странице обложки: «Ветераны». Фотоэтиюд О. Миронца

На 3-й странице обложки: «Шайбу!» Фотоэтиюд К. Янушко

На 4-й странице обложки: «Артисты». Рисунок А. Януса

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель И. И. ТРОФИМКИН

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, А. М. Млодик, В. Н. Суслов

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55.

Сдано в набор 6/1 1975 г. Подписано к печати 14/II 1975 г. 4 п. л.
М-26058. Зак. № 9. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 60 000 экз.

Ленинград, Фонтанка, 57.

